

ISSN 2782-3725

НОВОСИБИРСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ
ДУХОВНАЯ СЕМИНАРИЯ

НОВОСИБИРСКИЙ ВРЕМЕННОК

ЭЛЕКТРОННЫЙ ЖУРНАЛ
НОВОСИБИРСКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ДУХОВНОЙ
СЕМИНАРИИ

№ 2 • 2026

Телефон: +7 (383-73) 564-70
Адрес редакции: 633103,
Новосибирская область, город Обь,
ул. Военный городок, 127.
Email: npds@yandex.ru

Сайт: <https://journal.dsnsk.ru>

Учредитель и издатель:
Религиозная организация —
духовная образовательная организация
высшего образования «Новосибирская
православная духовная семинария
Новосибирской епархии
Русской Православной Церкви»

Издается с 2020 года

Номер свидетельства
Роскомнадзора Эл № ФС77-81498
от 6 августа 2021 г.

**Издается по благословению высокопреосвященнейшего Варфоломея,
митрополита Новосибирского и Бердского.**

**Журнал входит в общецерковный перечень рецензируемых изданий,
в которых публикуются результаты исследований соискателей церковных
ученых степеней кандидата богословия, доктора богословия и доктора
церковной истории.**

**Свидетельство о регистрации СМИ серия Эл № ФС77-81498 от
06 августа 2021 г. Выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций.**

**Журнал входит в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ)
(контракт № 173-03/2016 от 29.03.2016).**

**Статьи, принятые к публикации, размещаются в полнотекстовом формате
на сайте научной электронной библиотеки eLIBRARY.RU.**

**Учредитель: религиозная организация — духовная образовательная
организация высшего образования «Новосибирская православная духовная
семинария Новосибирской епархии Русской Православной Церкви».
633103, Новосибирская область, город Обь, ул. Военный городок, 127.**

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

кандидат богословия, ректор Новосибирской православной духовной семинарии, протоиерей **Павел Кизюн**

Редакционный совет:

доктор богословия, протоиерей **Борис Пивоваров**

доктор богословия, епископ **Мефодий (Зинковский)**

доктор филологических наук, профессор **Панин Леонид Григорьевич**

доктор исторических наук **Комлева Евгения Владиславовна**

кандидат богословия, протоиерей **Александр Реморов**

кандидат исторических наук **Журавлев Вадим Викторович**

кандидат философских наук, иеромонах **Платон (Флах)**

кандидат философских наук, протодиакон **Дмитрий Цыплаков**

кандидат филологических наук **Сузрюкова Елена Леонидовна**

Над выпуском работали:

Ответственный редактор: **О.В. Кулева**, кандидат педагогических наук

Корректор: **Д.В. Васильев**, иерей

Перевод аннотаций на англ. язык: **О.Е. Молчанова**

Оригинал-макет подготовлен: **К.С. Обысова**

СОДЕРЖАНИЕ

ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО Его Высокопреосвященства, Высокопреосвященнейшего Никодима, митрополита Новосибирского и Бердского, управляющего делами Новосибирской митрополии, участникам пленарного заседания межвузовской научно-просветительской студенческой конференции с международным участием «Духовно-нравственная культура: историческая память и национальное самосознание» (г. Новосибирск, 18 февраля 2026 г.) 6

РЕЗОЛЮЦИЯ межвузовской научно-просветительской студенческой конференции «Духовно-нравственная культура: историческая память и национальное самосознание» (г. Новосибирск, 18 февраля 2026 г.) ..7

ИСТОРИЧЕСКАЯ ТЕОЛОГИЯ

Иванов Е.С. Миссионерская деятельность Сибирской и Тобольской епархии во второй половине XVII в. – первой четверти XVIII в. 9

Расова Н.В. Деятельность Алтайской духовной миссии в условиях активизации бурханизма в начале XX века16

ПРАКТИЧЕСКАЯ ТЕОЛОГИЯ

Кизюн П.И., протоиерей. Духовно-нравственные основы личности и феномен семейной святости в истории России23

Головнева Н.И. Рождение музыкальной столицы Сибири. Новониколаевск-Новосибирск (1919–1930)26

ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО

**Его Высокопреосвященства, Высокопреосвященнейшего Никодима,
митрополита Новосибирского и Бердского, управляющего делами
Новосибирской митрополии, участникам пленарного заседания
межвузовской научно-просветительской студенческой конференции
с международным участием «Духовно-нравственная культура:
историческая память и национальное самосознание»**

18 февраля 2026 г.

Уважаемые участники межвузовской научно-просветительской студенческой конференции!

От всего сердца приветствую собравшихся на пленарное заседание этого студенческого форума. Во второй раз межвузовская конференция объединяет студентов и преподавателей различных вузов, деятелей науки и культуры — всех, кому небезразличны важные вопросы, приводящие нас к самым основам бытия нашего народа и государства: духовно-нравственной культуре, исторической памяти и национальному самосознанию. Эти основы — как живая ткань, из которой соткана наша общая история, это та твердая почва, на которой только и может произрастать будущее.

2026 год — Год единства народов России. Единство не на словах, а действительное единение создается не на пустом месте, а на прочном фундаменте общей исторической судьбы, на уважении к самобытности и вере народа, на разделении непреложных нравственных законов — добра, справедливости, любви к Отечеству, жертвенного служения ближнему. Все эти ценности концентрируются в главной ценности — ценности семьи. «Чти отца твоего и мать твою, да благо ти будет, и да долголетен будеши на земли», — говорит нам пятая из Десяти заповедей. «Уважающий мать свою — как приобретающий сокровища. Почитающий отца будет иметь радость от детей своих и в день молитвы своей будет услышан», — говорит нам Библия (Сир. 3,4–5). Почитание родителей, забота о детях, важность семейных уз и взаимной ответственности между поколениями — это краеугольный камень здорового общества, где младшие учатся уважению и благодарности, а старшие чувствуют свою нужность и ценность. Без уважения к семейным устоям не будет и единения, потому что без семейных традиций, без единения в семье не будет и единения в обществе, не будет и самого будущего.

Именно Православная Церковь на протяжении веков была и остается хранительницей семейных устоев и добрых традиций — этого духовного фундамента важного для всех народов России. Она взращивала в народе те ценности, которые помогали строить сильное государство и объединяли наше общество. Наша история — это не только череда славных и драматических событий, но, в первую очередь, летопись святости, примеров беспримерного мужества, веры и любви, запечатленных в жизни святых угодников, подвижников, героев духа, которые были выходцами из разных народов, населявших нашу Родину. Память об их подвигах и их святых заветах объединяет наш многонациональный народ.

Особые слова хочу сказать вам, дорогая молодежь, студенты. В ваших руках ключ к будущему. Ваш пылкий ум, ваша энергия, ваше стремление к истине — это бесценный дар, тот талант, который следует приумножить в добром направлении. Пусть ваши научные изыскания будут направлены не только на изучение внешних фактов, но и на постижение духовных причин исторических событий, на осмысление той нравственной силы, которая двигала нашими предками. Истинное образование призвано образовывать не только интеллект, но и душу, воспитывая целостную, ответственную личность. А это невозможно без опоры на наши традиционные ценности, без опоры на духовное и культурное наследие.

Желаю пленарному заседанию конференции стать весомым завершением межвузовского форума, результаты которого должны широко войти в учебный и научный процесс. Пусть ваши труды послужат делу сохранения нашей уникальной цивилизации, укрепят взаимопонимание и внесут достойный вклад в дело нравственного оздоровления общества.

Божие благословение да пребывает со всеми вами!

РЕЗОЛЮЦИЯ

межвузовской научно-просветительской студенческой конференции «Духовно-нравственная культура: историческая память и национальное самосознание»

16-18 февраля 2026 года в городе Новосибирске состоялась межвузовская научно-просветительская студенческая конференция «Духовно-нравственная культура: историческая память и национальное самосознание».

В работе конференции приняли участие студенты, преподаватели и ректоры образовательных организаций высшего образования, представители религиозных организаций, гости конференции.

В рамках конференции при участии вузов, профессионального сообщества и экспертов были организованы секционные заседания по следующим направлениям:

«Места памяти: памятники, музеи, мемориалы в формировании культурного кода» (организатор ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный университет архитектуры, дизайна и искусств имени А.Д. Крячкова»).

«Духовно-нравственное и историческое наследие Сибири: личности, свершения, память» (организатор АНОО ВО Центросоюза РФ «Сибирский университет потребительской кооперации»).

«Духовное и культурное просвещение Сибири: книги и книжность, наследие православных миссий, духовные центры» (организаторы: Новосибирская православная духовная семинария, Государственная публичная научно-техническая библиотека СО РАН).

«Формирование духовно-нравственной культуры и национального самосознания у военнослужащих ВНГ РФ» (организатор ФГКВБОУ ВО «Новосибирский военный ордена Жукова институт войск национальной гвардии»).

«Социально-культурные практики как инструмент формирования, сохранения и развития исторической памяти и национального самосознания» (организатор ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный педагогический университет»).

«Музыкальное и театральное искусство: творческий метод укрепления традиционных духовно-нравственных ценностей» (организаторы ФГБОУ ВО «Новосибирская государственная консерватория имени М.И. Глинки», ГАОУ ВО «Новосибирский государственный театральный институт»).

«Флот в годы Великой Отечественной войны» (организатор ФГБОУ ВО «Сибирский государственный университет водного транспорта»).

«История России в историко-культурной па-

мяти современников и потомков» (организатор ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный педагогический университет»).

В рамках конференции прошла Сретенская молодежная межвузовская вечерка «Наши традиции» (Новосибирская православная духовная семинария, Новосибирский государственный педагогический университет, Новосибирский государственный университет архитектуры, дизайна и искусств имени А.Д. Крячкова).

Участники конференции отмечают:

Работа конференции проходила в общем направлении, обозначенном документами подписанными Президентом Российской Федерации, Указом «О проведении в Российской Федерации Года единства народов России» № 962 от 25 декабря 2025 года и Указом «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» № 809 от 09 ноября 2022 г.

Доклады участников пленарного и секционных заседаний показали, что историческая память, запечатленная в материальных и духовных свидетельствах прошлого, является живым и непрерывно обогащаемым источником для формирования ответственного гражданского самосознания и укрепления единства народов России и дружбы между народами.

Исследования, представленные на различных площадках вузов-участников конференции, продемонстрировали глубокое знание родной истории, память о трудовых и ратных подвигах предков, понимание культурных традиций народов России. Все это создает прочную основу для патриотизма, основанного на личной сопричастности и уважении к историческому наследию и народным традициям.

Работа конференции в Год единства народов России наглядно подтвердила, что подлинное единство зиждется на осознании общего исторического пути, взаимном уважении культурного многообразия и совместной работе по сохранению традиционных духовно-нравственных ценностей, которые объединяют общество перед лицом современных вызовов.

Любовь к Родине, гражданская ответственность, патриотизм и служение Отечеству, взаимопомощь и взаимное уважение, завещанные нам наши предками, должны составлять ядро истори-

ческой памяти и быть фундаментом для воспитания новых поколений.

В условиях современных глобальных вызовов сохранение исторической правды, противодействие фальсификациям истории и разрушительным идеологиям, а также воспитание у молодежи уважения к культурному наследию являются необходимыми условиями формирования осознанного патриотизма и дружбы между народами.

Важно воспитывать у студенчества лучшие качества, формировать гармоничное национальное самосознание и укреплять единство многонационального народа России через глубокое изучение истории, поддержку межкультурного диалога и преемственность поколений.

Участники конференции подтвердили непреходящее значение исторической памяти, духовных скреп общества как основ для формирования национально-гражданской идентичности. В ходе дискуссий было отмечено, что осмысление общего прошлого, уважение к культуре и традициям всех народов, а также сохранение правды о ключевых событиях отечественной истории являются фундаментом для гражданского согласия и стратегического единства страны в настоящем и будущем.

Духовно-нравственные ценности продолжают выступать ключевым ориентиром в современном образовательном и воспитательном процессе, формируя устойчивое мировоззрение молодежи. В современную эпоху глобальных вызовов и информационной нестабильности именно они составляют нравственный фундамент личности, укрепляют социальную солидарность и чувство гражданской ответственности.

Их сохранение и передача следующим поколениям обеспечивают культурно-историческую преемственность, лежат в основе национальной безопасности и устойчивого развития российского общества.

Сохранение исторической памяти и традиционных духовно-нравственных ценностей является стратегической задачей государственной политики и общественной деятельности. Оно обеспечивает культурный суверенитет, укрепляет гражданскую идентичность и создает прочную основу для межпоколенческого диалога. Без бережного сохранения наследия прошлого невозможно формирование ответственного и патриотически настроенного будущего.

Важно систематически и последовательно интегрировать темы исторической памяти и духовно-нравственных ценностей в образовательные программы всех уровней, поддерживать исследовательские и просветительские инициативы молодежи, а также создавать условия для живого, содержательного диалога между поколениями.

Это позволит не только сохранить, но и актуализировать культурное наследие, сделав его основой для осознанного патриотизма и консолидации общества.

Участники конференции предлагают:

1. Принять к сведению доклады исследователей:

Протоиерея Дмитрия Долгушина, доктора филологических наук, ведущего научного сотрудника Института истории СО РАН, «Память о прошлом в русской культуре XVIII — нач. XX вв.».

Олега Альбертовича Донских, доктора философских наук, профессора кафедры философии и гуманитарных наук Новосибирского государственного университета экономики и управления, «Русский язык как национальное достояние».

Наталии Яковлевны Большуновой, доктора психологических наук, профессора кафедры военной педагогики и психологии Новосибирского военного ордена Жукова института войск национальной гвардии, «Риски цифровизации для развития личности».

Обеспечить дальнейшую практическую реализацию Указа Президента Российской Федерации от 09 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» в образовательном процессе и научно-просветительской деятельности.

Рекомендовать проводить межвузовскую научно-просветительскую студенческую конференцию «Духовно-нравственная культура» на регулярной ежегодной основе, рассматривая ее как постоянно действующую диалоговую площадку для молодежи.

Рекомендовать ректорам вузов продолжить системную работу по развитию научно-исследовательской деятельности студентов в гуманитарной сфере, поддержке студенческих научных обществ и публикации лучших исследовательских работ.

Рекомендовать образовательным организациям активно внедрять междисциплинарные подходы в изучении тем, укорененных в исторической памяти и национальном самосознании, используя ресурсы культуры, искусства, архивов и музеев.

Участники конференции выражают уверенность в необходимости дальнейшего глубокого изучения духовно-нравственной культуры как основы единства российского общества, сохранения исторической памяти и передачи ее будущим поколениям. Это способствует укреплению национального единства, формированию патриотического сознания и ответственному отношению к будущему страны.

*Принято участниками Конференции
18 февраля 2026 г., г. Новосибирск*

ИСТОРИЧЕСКАЯ ТЕОЛОГИЯ

УДК 271.2

Иванов Евгений Сергеевич, диакон
студент 5 курса заочного отделения
Новосибирской православной духовной семинарии
iva-ies@mail.ru

МИССИОНЕРСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СИБИРСКОЙ И ТОБОЛЬСКОЙ ЕПАРХИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVII В. — ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII В.

Аннотация: Статья посвящена анализу становления и развития православной миссии в Сибири во второй половине XVII в. — первой четверти XVIII в. в тесной связи с процессом государственного освоения региона. Автор исследует эволюцию миссионерской деятельности от немногочисленных проявлений во второй половине XVII в. до организации системной работы первой четверти XVIII в. после того, как Сибирскую и Тобольскую кафедру возглавил митр. Филофей (Лещинский). Особое внимание уделяется практической деятельности этого сибирского архиерея по организации церковной жизни, строительству храмов и монастырей, а также мирному обращению коренных народов, прежде всего через крещение местной знати. Подчеркивается, что миссия выступала важным инструментом интеграции новых территорий в состав Российского государства, проводилась мирными методами, что было закреплено в царских указах, и заложила основы для дальнейшей христианизации Сибири. Работа актуализирует исторический опыт ранней сибирской миссии для решения современных задач внутреннего церковного просвещения.

Ключевые слова: православная миссия, христианизация Сибири, архиепископ Симеон Тобольский, митрополит Корнилий Тобольский, митр. Игнатий (Римский-Корсаков), митр. Филофей (Лещинский), Сибирская и Тобольская епархия, коренные народы Сибири, внутренняя миссия, XVII–XVIII вв.

Цитирование: Иванов Е.С. Миссионерская деятельность Сибирской и Тобольской епархии во второй половине XVII в. — первой четверти XVIII в. // Новосибирский временник. 2026. № 2. С. 9-15.

Ivanov Evgeny Sergeevich, deacon
5th year student of the correspondence department of
the Novosibirsk Orthodox Theological Seminary
iva-ies@mail.ru

MISSIONARY ACTIVITY OF THE SIBERIAN AND TOBOLSK DIOCESE IN THE SECOND HALF OF THE 17TH CENTURY — THE FIRST QUARTER OF THE 18TH CENTURY.

Abstract: The article is devoted to the analysis of the formation and development of the Orthodox mission in Siberia in the second half of the 17th century — the first quarter of the 18th century in close connection with the process of state development of the region. The author examines the evolution of missionary activity from a few manifestations in the second half of the 17th century to the creation of systematic work in the first quarter of the 18th century after the Siberian and Tobolsk department was headed by Mitr. Filofey (Leshchinsky). Special attention is paid to the practical activities of this Siberian bishop in organizing church life, building temples and monasteries, as well as the peaceful conversion of indigenous peoples, primarily through the baptism of local nobility. It is emphasized that the mission was an important tool for the integration of new territories into the Russian state, was carried out by peaceful methods, which was enshrined in the royal decrees, and laid the foundations for the further Christianization of Siberia. The work actualizes the historical experience of the early Siberian mission in order to solve modern problems of internal church education.

Keywords: Orthodox mission, Christianization of Siberia, Archbishop Simeon of Tobolsk, Metropolitan Cornelius of Tobolsk, Mitr. Ignatius (Rimsky-Korsakov), Mitr. Filofey (Leshchinsky), Siberian and Tobolsk Diocese, indigenous peoples of Siberia, internal mission, XVII–XVIII centuries.

Citation: Ivanov E.S. The missionary activity of the Siberian and Tobolsk Diocese in the second half of the 17th century — the first quarter of the 18th century // Novosibirsk vremennik. 2026. № 2. p. 9-15.

Введение

К середине XVII в. Сибирская епархия занимала пространства от Уральских гор до реки Лена на востоке; под началом сибирского архиерея, по мнению Ефимова Б.А., состояло «около 1500 человек белого духовенства и около 100 монашествующих» [3], количество храмов приближалось к 100, монастырей насчитывалось более 20, что в три раза превышало аналогичные показатели в 1625 г.

Вторая половина XVII столетия в истории миссионерского освоения Сибири и Дальнего Востока начинается со святительства в Тобольске архиепископа Симеона (фамилия не установлена), который управлял Сибирской кафедрой с 1651 до 1664 г.

Архиепископ Симеон в целом повторил карьерный путь своих предшественников на Сибирской кафедре — от игумена провинциального монастыря до владыки Сибири. Биографических сведений о нем осталось еще меньше, чем от предыдущих сибирских архиереев: известно лишь то, что он родился в новгородской земле, в 1649 г. был игуменом Пафнутиева Боровского монастыря, 9 марта 165 г. хиротонисан на Сибирскую кафедру.

Организация миссионерской работы во второй половине XVII в.

Принято считать, что архиеп. Симеон сочувствовал старообрядцам и даже позволил служить в Тобольске протопопу Аввакуму Петрову. Но здесь следует сказать, что Аввакум в 1653 г. был отправлен в ссылку в Тобольск за критику патриарха Никона, но не еще был лишен сана и возможности совершать богослужения, а как ересиарх был осужден лишь в середине 1660-х гг. Из чего следует, что архиеп. Симеон на законных основаниях имел право разрешить Аввакуму совершать богослужения и без сочувствия расколу.

Владыка Симеон обладал решительным характером, что заставляло его совершать необычные поступки: «В августе 1660 года архиепископ Симеон самовольно выехал в Москву с жалобой на тобольского воеводу, боярина князя И.А. Хилкова. Конфликты между сибирскими архиереями и представителями воеводской администрации были скорее обычным явлением, чем редкостью. Однако ситуация, когда Сибирский архиерей самовольно покидает кафедру и едет «искать правду» в Москву, была экстраординарным событием» [9, с. 20].

При владыке Симеоне были открыты новые иноческие обители в Туруханске, Томске, Якутске, Киренске и на реке Конде. А также в августе 1659 г. были освидетельствованы мощи мученика Василия Мангазейского (†1602), который являет-

ся первым сибирским святым. В феврале 1664 г. архиеп. Симеон был отправлен на покой в Московский Чудов монастырь, где, по всей видимости, и скончался после 1678 г.

За неимением достоверных данных относительно миссионерской деятельности в годы правления архиеп. Симеона можно предположить, что эта деятельность проходила своим чередом. Походы служилых людей за ясаком в отдаленные районы Сибирской губернии сопровождались проповедью православия, которую несли специально выделенные для этой цели монахи из сибирских обителей. Далее представители коренных народов, выслушав проповедников, принимали крещение — либо не принимали. Те из инородцев, кто принимал крещение, получали денежное и продовольственное пособие, новую одежду, а «также разрешение самостоятельно ездить в Москву для передачи ясака и возможность поступать на царскую службу» [2, с. 322]. Однако стоит отметить, что эти меры стимулирования были недостаточными для массового крещения народов Сибири, поэтому случаи обращения в православие, скорее всего, были не столь многочисленны. Кроме того, язычники могли принимать крещение из корыстных побуждений, не вникая в суть преподаваемого Таинства.

Следующий сибирский иерарх — митрополит Корнилий (фамилия не установлена). Управлял Сибирской кафедрой с 1664 по 1678 г. О нем известно лишь то, что он был настоятелем двух монастырей. В 1640-60-е гг. игумен Преображенского монастыря в Арзамасе, затем с 1662 по 1664 г. архимандрит Хутынского монастыря. В июле 1664 г. возведен в епископский сан с назначением в Тобольск. В мае 1668 г. возведен в сан митрополита, Тобольская кафедра становится митрополией. Скончался в декабре 1678 г. в Тобольске [8].

Скудные сведения о его деятельности на кафедре свидетельствуют, что митрополит принимал все усилия для распространения православной веры среди коренного населения своей епархии, однако не уточняется, какими именно были эти усилия, из чего можно заключить, что миссионерские усилия митр. Корнилия ограничивались стандартными процедурами, а именно отправкой проповедников с ясачными командами, постройкой храмов и основанием монастырей там, где их еще не было.

При сибирском владыке Корнилиии построены многие храмы в окрестностях озера Байкал, так же в 1672 г. основан Вознесенский монастырь в Иркутске. В этой связи стоит рассматривать основание новых монастырей как установку форпостов духовного просвещения на дальних

рубежах языческого мира. В монастыри местное некрещеное население могло обращаться за помощью в трудные времена — например, во время засухи, неурожая или какого-либо морозного поветрия, а также при набегах враждебных племен или кочевников, коих в XVII в. еще было недостаточно.

Получив материальную помощь или прибежище во время опасности, язычники получали положительный опыт взаимодействия с представителями «русской веры», что в дальнейшем вполне могло расположить их к принятию крещения.

Митрополит Павел управлял Сибирской и Тобольской епархией с 1678 по 1692 гг. Владыка Павел — третий сибирский архиерей, о котором не сохранилось никаких биографических сведений до его настоятельства в монастыре. Будущий сибирский митрополит последовательно настоятельствовал в Ефимьевском монастыре Суздаля, Симоновом и Чудовом монастырях Москвы, а также принимал участие в Большом Московском Соборе 1667 г. В 1674 г. числился духовником царевны Софьи, т.е. был духовной особой, приближенной к царскому двору [16, с. 16]. Посвящение в епископы получил 21 июля 1678 г. с возведением в сан митрополита и сразу же отправился в Тобольск. По прибытии на место служения митрополит, по мнению современной историографии, обнаружил нестроения среди духовенства, нравственную распушенность сибирских людей, распространение раскольников и сектантов. В этом месте трудно не вспомнить случай архиеп. Нектария, который также от царского двора был направлен в Сибирь и по приезде сразу заметил множество проблем сибирской земли. Надо полагать, что митр. Павел также не был в восторге от направления в Сибирь и подвергся такому же искушению — представить дело так, что до него в захолустной митрополии царил полное разорение; получается, что новая церковная администрация старалась умалить достижения прежней.

В плане миссионерской работы митр. Павел прилагал большие старания. Историк Б.А. Ефимов, цитируя статью из «Православного благовестника» за 1893 г., говорит, что при митр. Павле «где зимовье ясашное, там и крест или впоследствии часовня; где водворение крепостное, там церковь и пушка; где город, там управление воеводское, огнестрельный снаряд и монастырь, кроме церкви» [7, с. 27].

Другим важным событием для распространения миссии в Сибири становится царский «Указ 16 мая 1681 года» о том, что новокрещеным инородцам предоставлялись шестилетние налоговые льготы, т.е. освобождение от ясака, что

явилось уже более ощутимым стимулом для принятия православия сибирскими народами, которые жили в основном с пушного промысла.

В правление митр. Павла была снаряжена Даурская духовная миссия на реку Амур. Миссия была организована по указу царя Федора Алексеевича 22 февраля 1680 г. Задача миссии состояла в следующем: «Призывание иноверных в лоно православной веры, также для исправления заблудших во грехе душ россиян да искоренения развратников святой веры Христовой» [4, с. 217], т.е. и возвращение из раскола старообрядцев, которые массово мигрировали в Сибирь из центральной России.

Миссионеры должны были построить монастырь на реке Селенге, что и было исполнено с образованием в 1681 г. Троицкой обители на р. Селенге. Кроме того, братией этой обители был основан Посольский монастырь на озере Байкал. «Православие продвинулось за Иркутск, в пределы Забайкалья» [3]. Русские передовые отряды дошли уже до границы с Китаем и основали две крепости — Нерчинск на реке Шилка и Албазин на Амуре.

Митрополит после долгих трудов во славу Святой Церкви отошел ко Господу по дороге из Тобольска в Москву 4 февраля 1692 г., погребен в Ефимьевском монастыре г. Суздаля, где в 1660-е гг. подвизался в качестве игумена.

Последним сибирским митрополитом второй половины XVII в. был митр. Игнатий (Римский-Корсаков), который занимал Тобольскую кафедру с 1693 по 1701 гг. Это первый сибирский митрополит, о котором сохранилось много биографической информации. Следует дать несколько штрихов к портрету этого иерарха. Происходил из известного дворянского рода, во молодых годах был стольником царя Алексея Михайловича. Получил приличное для своего времени образование у Епифания (Словенецкого); в возрасте около 30 лет принимает монашество. С 1685 г. управлял Новоспаским монастырем в Москве [10, с. 125].

В апреле 1692 г. посвящен в митрополита Сибирского, на кафедру прибыл в феврале 1693 г. Из миссионерских начинаний этого сибирского митрополита можно отметить налаживание контакта с албазинскими казаками, которые были уведены в Китай после разрушения в 1685 г. русской крепости Албазин на Амуре. Вместе с казаками в Пекине оказался русский священник Максим Леонтьев. В 1695 г. митр. Игнатий отправил ему антиминс и св. миро для служения литургии и совершения Таинства Крещения и Миропомазания. В Китае была устроена церковь во имя святителя Николая. Отец Максим скончался в начале 1710-х гг., «...имя его в современной России известно очень немногим православным —

в основном китаеведам, да и то не всем. Песок времени засыпал многие подробности его биографии. Точно даже не установлено, когда он скончался: то ли в 1711-м, то ли в 1712 году. Могила его, как и само кладбище, где он был похоронен, не сохранились» [1]. Сам митр. Игнатий скончался в Симоновом монастыре 13 мая 1701 г.

Просветительская деятельность митр. Филофея (Лещинского)

Весьма скромные темпы христианизации коренного населения Сибири в XVII в. заставили русское правительство пересмотреть политику миссионерской деятельности Русской Церкви в XVIII в.

В самом начале XVIII в. Сибирскую кафедру занимает уникальный в своем роде митрополит Филофей (Лещинский). Он занимал Тобольскую кафедру с января 1702 до февраля 1721 г. с небольшим перерывом в 1709-1715 гг. Став следующим после митрополита Игнатия архиереем Сибири, т.к. справедливость требует от нас не включать в список сибирских архиереев святителя Димитрия Ростовского (который номинально был митрополитом Сибирским с марта 1701 по январь 1702 гг., но так и не ступил на сибирскую землю, что, впрочем, нимало не умоляет его высоких заслуг перед Церковью), митрополит Филофей сразу же развернул небывалую по масштабам миссионерскую деятельность в регионе.

Можно констатировать, и в этом сходятся все историки, освещающие деятельность митрополита Филофея, что его деятельность по просвящению языческих инородцев Сибирского края находит мало аналогий в истории не только Русской Православной Церкви, но и в истории Церкви Вселенской: его труды поистине можно назвать равноапостольными.

При ознакомлении с историей правления митрополита Филофея в Сибири можно заметить, что три периода его служения кардинально различаются. В первый период своего служения на кафедре, с 1702 по 1709 гг., митрополит занимался главным образом налаживанием нормального функционирования духовенства епархии. Ибо, как уже не раз встречалось в истории Сибирской кафедры, новый митрополит, приехав в Тобольск, по словам уже известного нам А.Б. Ефимова, видит великое нестроение церковной жизни и пишет государю Петру: «Пришел в Сибирские страны, в церквах Божиих усмотрел я великое нестроение, а какое нестроение не лезть и писанию предати» [1, с. 62]. Что, по мысли того же Ефимова, проявляется в том, что «...духовенство было необразованным, а зачастую и без средств к существованию, да и таких священников не хватало, многие храмы подолгу оставались без

богослужения. Миряне жили «без слышания Слова Божия» и вели порочную жизнь. При этом усиливалась деятельность старообрядцев, под влиянием которых сотни и тысячи людей предавались самосожжению. В отсутствие должного христианского попечения о населении мусульмане вели активную проповедь среди остяков и вогулов, а коренные жители Сибири оставались в большинстве своем язычниками» [3].

Это, по-видимому, была объективная оценка реальности, т.к. стоит помнить, что кафедра оставалась без архипастырского окормления около 3 лет, с 1699 по 1702 гг. Митр. Игнатий убыл в Москву в конце 1699 г., да так и не вернулся ввиду кончины; митр. Димитрий на кафедру не приехал ввиду болезни, а митр. Филофей приехал лишь весной 1702 г. За это время произошли негативные изменения в церковной жизни Сибирской епархии, описанные выше.

Ввиду вышесказанного можно заключить, что сразу по прибытии в Тобольск перед митрополитом встали следующие первоочередные задачи: 1) увеличение числа православных храмов на территории Сибири; 2) налаживание нормальной духовной и бытовой жизни сибирского духовенства; 3) организация духовной школы для поднятия образовательного уровня духовенства; 4) борьба с распространившимся старообрядчеством и — на последнем месте — 5) миссия среди инородцев.

Отметим, что в начале XVIII в. в Сибирской епархии насчитывалось 160 православных храмов, о чем нам говорит историк Н.Н. Покровский: «К началу XVIII в. в Сибирской митрополии насчитывалось всего 160 церквей, большинство приходов были огромными по размерам» [12], а к концу управления кафедрой митр. Филофеем в 1721 г. храмов в Сибири было уже 448, что, как метко замечает другой историк церкви прот. Владислав Цыпин, означает, что «...за время пребывания на кафедре митрополита Филофея в епархии было построено 288 церквей» [6]; нам же остается констатировать, что с первой задачей своего архиерейства в Сибири митр. Филофей справился весьма достойно.

Для решения 2-й и 3-й, а также сразу 4-й и 5-й задач, т.е. поднятия уровня образования и улучшения бытовых условий для духовенства, митр. Филофей открыл в Сибири первую духовную школу, в которой будущие пастыри и проповедники готовились к церковному служению и миссии среди инородцев, а также антираскольнической деятельности. Для устройства духовной школы митр. Филофей, сам получивший передовое для своего времени образование в Киево-Могилянской академии, привлёк ученых монахов из Малороссии: «В школах принуждать

учиться детей всякого звания; ввести изучение латинского языка; пригласить учителей из киевских монахов; открыть при школе собственную друкарню (типографию) для печатания учебников» [15].

Для улучшения бытового положения духовенства митр. Филофей «добился от властей выдачи жалования городским священникам, а сельских священнослужителей, по его ходатайствам, стали наделять землей» [6].

Что касается непосредственно миссионерской деятельности первого периода святительства митр. Филофея, то в 1705 г. из Тобольска была организована миссионерская поездка на Камчатку; во главе миссионеров был архим. Мартиниан, который считается первым камчатским миссионером. Удалось построить иноческую обитель около Нижне-Камчатска (ныне не существует) и крестить некоторое количество камчадалов. О кончине архим. Мартиниана известно следующее: «Сохранились документы, свидетельствующие, что Мартиниан благословлял казаков, направлявшихся к Авачинской губе. Около 1718 г. Мартиниан был убит «собственными людьми по наущению какого-то казака» [14, с. 5].

В 1706 г. царь Петр всерьез взялся за крещение инородцев, для чего издал указ, который приводит все тот же А.Б. Ефимов: «Сибирскому митрополиту Филофею ехать во всю землю вогульскую и остяцкую, и в татары и в тунгусы и якуты, и в волостях, где найдет их кумиры и кумирницы и нечестивыя их жилища, и то все пожечь, и их, вогулов и остяков Божию помощью и своими трудами приводить в Христову веру» [13]. На следующий 1707 г., ибо в Сибири ничего не делается поспешно, из Тобольска была снаряжена миссия к осякам, стоявшим со своими юртами в районе г. Березова (ныне ПГТ), но цель миссии не была достигнута, т. к. березовские осяки не изъявили желания креститься.

В этом же 1707 г. были предприняты третья попытка наладить контакт с буддистами Монголии и их главой Джебузьян Кутухой. Миссионеры не встретили враждебного отношения со стороны монголов, но и не смогли обратить буддистов в православную веру.

В целом, этими тремя миссиями и ограничивается миссионерская деятельность митр. Филофея в первый период его нахождения на Сибирской кафедре; т.о. можно говорить о том, что в начале 1700-х гг. задача крещения инородцев была провалена.

В 1708 г., по мнению прот. В. Цыпина (в 1709 г., по мнению А.Б. Ефимова), митр. Филофей тяжело занемог, так что стал готовиться к смерти, вследствие чего принял великую схиму и удалился на покой в Тюменский Троицкий монастырь. Здесь

снова тайна: была ли Тобольская кафедра вакантной с 1709 по 1711 г. либо до прибытия нового митр. Иоанна (Васильковского-Максимовича) (по другим данным новый митрополит прибыл в Тобольск только 14 августа 1712 г.) кафедрой управлял схимитрополит Федор (Лещинский), как считает Ефимов, остается неизвестным.

Второй этап деятельности митр. Филофея (Федора) начинается в 1711 г. Когда новый сибирский губернатор Матфей Петрович Гагарин прибыл в Тобольск по указанию Петра I, он предложил пожилому схимитрополиту Федору возглавить миссию среди инородцев-язычников. Следует отметить, что данное предложение можно назвать экстраординарным, т.к. отправлять в миссионерские поездки высших церковных иерархов, тем более находящихся на покое, до этого момента было не принято, но митр. Федор дает свое согласие.

Этот этап его жизни служения можно назвать собственно миссионерским. Для начала настоящей миссии среди вогулов (мансей) и остяков «митр. Иоанн (Максимович) в помощь митр. Филофею дал сотрудииков из монахов и священников, князь Гагарин — судно, гребцов, переводчиков, 10 казаков, 2000 рублей денег, разослал также предписания местным властям содействовать миссии» [3]. Летом 1712 г. начинается первое миссионерское путешествие митр. Федора (Филофея) по сибирским рекам Оби и Иртышу, в результате которого крещение принимает кондинский князь (Понтила) Алачев со своим семейством, хотя мы помним, что еще в 1633 г. этот остяцкий княжеский род уже принимал крещение. Из чего следует неутешительный вывод о том, что за 80 лет крещение в этом роде сошло на нет.

В 1713 г. второе миссионерское путешествие митр. Федора по рекам Обь и Иртыш в районы Самарова (ныне Ханты-Мансийск) и Березова было более успешным, чем поездка 1712 г. по тем же местам: «...в эту поездку крестились осяки Воспохольских, Белгородских, Сухоруковских и Казымских юрт числом около 3500 человек. Несогласных креститься было около 30 человек, и они бежали в Воксаровы юрты к Обдорску» [3].

Третье миссионерское путешествие митр. Филофея совершилось в феврале 1714 г. в Пелым (ныне ПГТ); в этой поездке было крещено более 600 вогулов, живших по реке Тавда. Летом того же года было крещено 300 вогулов-мусульман. В ноябре-декабре того же года были крещены туринские вогулы — это было четвертое путешествие митрополита-миссионера.

В пятом путешествии 1715 г. крещение приняли язычники, жившие по реке Конда. Предположительно, в этом походе митр. Федора застигла

весть о кончине митр. Иоанна (Максимовича). За неимением более достойной кандидатуры митр. Филофей был вынужден вновь занять Тобольскую кафедру.

В связи с блаженной кончиной свт. Иоанна Тобольского уместно сказать несколько слов и о его миссионерских начинаниях в Сибири. Кроме всемерной поддержки трудам митр. Федора митр. Иоанн успел отправить в 1714 г. миссию в Китай во главе с архим. Иларионом (Лажайским): «Официальной задачей миссии было удовлетворение духовных нужд, живших в Пекине албазинцев (потомков пленных русских казаков), но, кроме этого, она должна была вести христианскую проповедь, собирать материалы о Китае и оказывать содействие дипломатам» [5, С. 220]. В советской историографии принято считать, что миссия в Китай была организована по личной инициативе митр. Иоанна.

В качестве мер поддержки миссии кадрами можно назвать попечение митр. Иоанна об архиерейской духовной школе, основанной митр. Филофеем в Тобольске еще в 1703 г. В школу приглашались ученые монахи из Малороссии, а обучались в том числе дети новокрещенных вогулов и остяков и прочих народов Сибири, что также способствовало распространению и укреплению православной веры в регионе.

Краткое время, проведенное митр. Иоанном на Сибирской кафедре, обусловленное слабым здоровьем и скорой кончиной, последовавшей в июне 1715 г., не позволило ему в полной мере выявить свои таланты на ниве миссионерского просвещения язычников в Сибири.

Третий этап просветительской деятельности митр. Федора начинается после кончины митр. Иоанна в 1715 г. Совмещая два служения — миссионерское и архиерейское, — митр. Филофей летом 1716 г. предпринимает свое шестое миссионерское путешествие в район современного Сургута, в 1717 г. — седьмое, в Обдорский край (ныне Салехард).

В конце своего сибирского архиерейства, в 1719-1720 гг., первый сибирский миссионер-архиерей предпринимает грандиозное по масштабам путешествие по епархии: «Во время этой поездки он посетил города Томск, Туруханск, Енисейск, Иркутск, побывал за Байкалом, в Селенгинске и во многих других местах Сибири. Им были крещены енисейские остяки, чулымские татары, кистимцы, посеяны первые семена христианской веры среди тунгусов и камчадалов. Вернувшись в Тобольск в 1720 г., уже больной, митрополит сразу же попросил государя об увольнении на покой» [3].

Получив разрешение убыть на покой в конце 1720 г., в 70-летнем возрасте митр. Федор (Филофей) удалился на жительство в Троицкий монастырь г. Тюмени, где «...в зимнее время он учил русской грамоте инородческих детей» [6]. Последняя миссионерская поездка была предпринята митр. Филофеем в 1726 г. к Обдорску, однако эта поездка, как и первое посещение обдорских инородцев, не принесла результатов. Скончался великий миссионер 31 мая 1727 г. в вышеназванном монастыре.

В оценках результатов деятельности митр. Филофея встречаются разные мнения. Прот. Владислав считает, что «...за время своих миссионерских подвигов он крестил около сорока тысяч остяков, вогул, татар и тунгусов (эвенков)» [6], в то время как Б.А. Ефимов пишет, ссылаясь на Е. Поселянина, что митр. Филофей самолично писал царю Петру в 1720 г. о том, что «во все время своей миссионерской деятельности он обратил в христианскую веру до 30 тысяч инородцев и построил для новокрещенцев 37 церквей» [13, С. 146].

Заключение

Распространение православной веры на просторах Сибири среди коренного языческого населения во второй половине XVII в. проходило весьма скромными темпами. Административный ресурс в лице сибирских архиереев не мог обеспечить широкий приток инородческого населения в Церковь по многим причинам. В XVII в. еще не были выработаны общие стандарты миссионерства среди язычников, государство не создало прочную законодательную базу для защиты новокрещенных инородцев от произвола местных светских властей. В целом приходится признать, что XVII в. обращения в православие из язычников были явлением частного характера.

Настоящее миссионерское движение в Сибирской епархии начинается в начале XVIII в. с началом владычества митр. Филофея (в схиме Федора) (Лещинского). Им в 1703 г. учреждено архиерейское училище в Тобольске для обеспечения миссии духовно образованными кадрами. Именно он в 1710-х гг. предпринимает около 10 миссионерских поездок по самым отдаленным уголкам своей обширной епархии.

В первой четверти XVIII в. православные миссионеры впервые доходят до Монголии и Камчатки. Всего в этот период крещено несколько десятков тысяч представителей коренных народов Севера Сибири. В Сибирской епархии построено 288 храмов, открыто около десятка монастырей.

Список литературы

1. Батуров В. Трудная судьба Православия в Китае. // Православие и мир. Электронная библиотека. URL: <https://lib.pravmir.ru/library/readbook/2253> (дата обращения: 05.02.2026).
2. Голубцов С. В., иер. Архиепископ Сибирский и Тобольский Макарий (Кучин). // Вестник Омской Православной Духовной Семинарии. 2020. №1(8). С. 320-323.
3. Ефимов А. Б. Очерки по истории миссионерства Русской Православной Церкви. Православный Свято-Тихоновский гуманитарный ун-т. Москва: Изд-во ПСТГУ, 2007. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Istoriya_Tserkvi/ocherki-po-istorii-missionerstva-russkoj-pravoslavnoj-tserkvi/1_21 (дата обращения: 05.02.2026).
4. Жалсараев А. Д. Даурская духовная миссия // Православная энциклопедия. М., 2006. Т. XIV: Даниил — Димитрий. С. 217.
5. Иоанн (Максимович Иван) // Православная энциклопедия. М., 2010. Т. XXIII: Иннокентий — Иоанн Влах. С. 219-230.
6. История Русской Православной Церкви. Синодальный и новейший периоды, (1700-2005) / протоиерей Владислав Цыпин. 4-е изд. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2010. 816 с. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Vladislav_Tsyпин/istorija-russkoj-pravoslavnoj-tserkvi-sinodalnyj-i-novejsij-periody/2 (дата обращения: 05.02.2026).
7. Краткий очерк миссионерства в Тобольской епархии // Православный благовестник. М., 1893. № 14. С. 22-31.
8. Корнилий (митрополит сибирский и тобольский) // Русский биографический словарь: в 25 томах. СПб. — М., 1896-1918. URL: [https://ru.wikisource.org/wiki/РБС/ВТ/Корнилий_\(митрополит_сибирский_и_тобольский\)](https://ru.wikisource.org/wiki/РБС/ВТ/Корнилий_(митрополит_сибирский_и_тобольский)) (дата обращения: 05.02.2026).
9. Манькова И. Л. Сибирский Архиепископ Симеон и тобольские воеводы: опыт эмпирического исследования в свете теории конфликта // Уральский исторический вестник. 2012. № 3 (36). С. 14-23.
10. Никулин И. А. Игнатий (Римский-Корсаков), митр. // Православная энциклопедия. М., 2009. Т. XXI: Иверская икона Божией матери — Икиматарий. С. 125-127.
11. Описание документов и дел Святейшего Синода. СПб., 1885. Т. 7, кн. 1: Памятники Сибирской истории XVIII в. С. 62.
12. Покровский Н. Н. Русская Православная Церковь в освоении Сибири. // Электронный журнал «Сибирская Займка». 2001. №6. URL: <http://zaimka.ru/religion/pokrovsky1.shtml> (дата обращения: 05.02.2026).
13. Поселянин Е. Русская Церковь и русские подвижники XVIII века. СПб.: И.Л. Тузов, 1905. 12 с.
14. Православие на Камчатке (1705–2015). Библиографический указатель Составители: Н.И. Курохтина, И. В. Шамашова, Н. С. Ершова, М. В. Кораблева. // Камчатская краевая библиотека им. С. П. Крашенинникова Информационно-библиографический отдел. Петропавловск-Камчатский. 2016. 68 с.
15. Сулоцкий А.И., прот. Тобольские и Томские архиепископы. Омск: Тип. Окружного штаба, 1881. 20 с.
16. Устинова И. А. Павел // Православная энциклопедия. М., 2019. Т. LIV: Павел — Пасхальная хроника. С. 16-20.

References

1. Baturov V. Trudnâ sud´ba Pravoslaviâ v Kitae. // Pravoslavie i mir. Ėlektronnâ biblioteka. URL: <https://lib.pravmir.ru/library/readbook/2253> (data obrašeniâ: 05.02.2026).
2. Golubcov S. V., ier. Arhiepiskop Sibirskij i Tobol´skij Makarij (Kučin). // Vestnik Omskoj Pravoslavnoj Duhovnoj Seminarii. 2020. №1(8). S. 320-323.
3. Efimov A. B. Očerki po istorii missionerstva Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi. Pravoslavnyj Svâto-Tihonovskij humanitarnyj un-t. Moskva: Izd-vo PSTGU, 2007. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Istoriya_Tserkvi/ocherki-po-istorii-missionerstva-russkoj-pravoslavnoj-tserkvi/1_21 (data obrašeniâ: 05.02.2026).
4. Žalsaraev A. D. Dauruskâ duhovnâ missiâ // Pravoslavnââ ěnciklopediâ. M., 2006. T. HIV: Daniil — Dimitrij. S. 217.
5. Ioann (Maksimovič Ivan) // Pravoslavnââ ěnciklopediâ. M., 2010. T. XXIII: Innokentij — Ioann Vlah. S. 219-230.
6. Istoriâ Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi. Sinodal´nyj i novejšij periody, (1700-2005) / protoierej Vladislav Cypin. 4-e izd. M.: Izd-vo Sretenskogo monastyrâ, 2010. 816 s. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Vladislav_Tsyпин/istorija-russkoj-pravoslavnoj-tserkvi-sinodalnyj-i-novejsij-periody/2 (data obrašeniâ: 05.02.2026).
7. Kratkij očerok missionerstva v Tobol´skoj eparhii // Pravoslavnyj blagovestnik. M., 1893. № 14. S. 22-31.
8. Kornilij (mitropolit sibirskij i tobol´skij) // Russkij biografičeskij slovar´: v 25 tomah. SPb. — M., 1896-1918. URL: [https://ru.wikisource.org/wiki/RBS/VT/Kornilij_\(mitropolit_sibirskij_i_tobol'skij\)](https://ru.wikisource.org/wiki/RBS/VT/Kornilij_(mitropolit_sibirskij_i_tobol'skij)) (data obrašeniâ: 05.02.2026).
9. Man´kova I. L. Sibirskij Arhiepiskop Simeon i tobol´skie voevody: opyt ěmpiričeskogo issledovaniâ v svete teorii konflikta // Ural´skij istoričeskij vestnik. 2012. № 3 (36). S. 14-23.
10. Nikulin I. A. Ignatij (Rimskij-Korsakov), mitr. // Pravoslavnââ ěnciklopediâ. M., 2009. T. XXI: Iverskââ ikona Božiej materi — Ikimatarij. S. 125-127.
11. Opisanie dokumentov i del Svâtejšego Sinoda. SPb., 1885. T. 7, kn. 1: Pamâtniki Sibirskoj istorii XVIII v. S. 62.
12. Pokrovskij N. N. Russkââ Pravoslavnââ Cerkov´ v osvoenii Sibiri. // Ėlektronnyj žurnal «Sibirskââ Zaimka». 2001. №6. URL: <http://zaimka.ru/religion/pokrovsky1.shtml> (data obrašeniâ: 05.02.2026).
13. Poselânin E. Russkââ Cerkov´ i russkie podvižniki XVIII veka. SPb.: I.L. Tuzov, 1905. 12 s.
14. Pravoslavie na Kamčatke (1705–2015). Bibliografičeskij ukazatel´ Sostaviteli: N.I. Kurohtina, I. V. Šamašova, N. S. Eršova, M. V. Korableva. // Kamčatskââ kraevââ biblioteka im. S. P. Krašenninnikova Informacionno-bibliografičeskij otdel. Petropavlovsk-Kamčatskij. 2016. 68 s.
15. Sulockij A.I., prot. Tobol´skie i Tomskie arhiepiskopy. Omsk: Tip. Okružnogo štaba, 1881. 20 s.
16. Ustinova I. A. Pavel // Pravoslavnââ ěnciklopediâ. M., 2019. T. LIV: Pavel — Pashal´nââ hronika. S. 16-20.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ТЕОЛОГИЯ

УДК 908 + 266.3

Расова Надежда Васильевна

кандидат исторических наук, научный сотрудник
информационно-просветительского отдела Горноалтайской епархии
nadjaras@yandex.ru

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ АЛТАЙСКОЙ ДУХОВНОЙ МИССИИ В УСЛОВИЯХ АКТИВИЗАЦИИ БУРХАНИЗМА В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Аннотация: Настоящая статья посвящена описанию того, как повлияло на деятельность Алтайской духовной миссии так называемое «движение бурханизма». Дается анализ причин, приведших к росту его активности и влияния. В публикации сделан акцент на события, происшедшие 21 июня 1904 года в долине Теренг, — разгон «проповедующих лжеучение и неповинуемых властям». Показана, по сути, гуманная политика власти по отношению к арестованным и тем, кого позже судили. Раскрываются негативные факторы, повлиявшие на сокращение количества крещений, отпадение от православия. На основе ведомственной статистики Алтайской миссии приводятся факты сокращения количества крещений, числа приступавших к таинству причастия. Показаны новые формы работы миссионеров как реакция на распространение бурханизма. В материале описываются разные точки зрения современных ученых на «белую веру» в ее национально-религиозном проявлении.

Ключевые слова: Алтайская духовная миссия, бурханизм («белая вера»), Чет Челпанов, Усть-Канское миссионерское отделение, проповеднические дружины.

Цитирование: Расова Н. В. Деятельность Алтайской духовной миссии в условиях активизации бурханизма в начале XX века // Новосибирский временник. 2026. № 2. С. 16-22.

Rasova Nadezhda Vasilyevna

Candidate of Historical Sciences, Research Fellow, Information
and Education Department, Gorno-Altai Diocese
nadjaras@yandex.ru

THE ACTIVITIES OF THE ALTAI SPIRITUAL MISSION IN THE CONTEXT OF THE INTENSIFICATION OF BURKHANISM IN THE EARLY 20TH CENTURY

Abstract: This article is devoted to the description of how the so-called «Burkhanism movement» influenced the activities of the Altai Spiritual Mission. The analysis of the reasons that led to the growth of its activity and influence is given. The publication focuses on the events that took place on June 21, 1904 in the Tereng Valley, the dispersal on «those who preach false doctrine and disobey the authorities.» It is shown the essentially humane policy of the authorities towards those who were arrested and those who were put on trial.

The negative factors that influenced the reduction in the number of baptisms and the falling away from Orthodoxy are revealed. Based on departmental statistics of the Altai Mission, the facts of a reduction in the number of baptisms that began the sacrament of communion are presented. New forms of missionary work are characterized as a reaction to the spread of Burkhanism. The article describes the different points of view of modern scientists on the «white faith» in its national-religious manifestation.

Keywords: Altai Spiritual Mission, Burkhanism («white faith»), Chet Chelpanov, Ust-Kansk missionary department, preaching squads.

Citation: Rasova N.V. Activities of the Altai Spiritual Mission in the Context of the Intensification of Burkhanism in the Early 20th Century // Novosibirsk Vremyanik. 2026. No. 2. P. 16-22.

В общественной жизни Горного Алтая начало XX века ознаменовалось появлением специфического религиозно-этнического движения — бурханизма («белой веры»). Это оказало непосредственное влияние на деятельность Алтайской духовной миссии.

Попытки проникновения в регион подобных учений были и ранее. К примеру, зимой 1885 года священник Чулышманского отделения Михаил Чевалков вынужден был отправиться в поездку в Кош-Агач в связи с развернувшейся там деятельностью выходца из Китая, называвшего себя Ойрот-ханом. Проповедник заявлял, что пришел освободить местных «инородцев» от русского подданства вместе с их переходом в новую веру. Опытный миссионер и проповедник, сам «из инородцев», отец Михаил со своей задачей справился и «развёл заблуждения» как новокрещеных, так и некрещеных [1, с. 3].

Лидер бурханизма Чет Челпанов выступил в первую очередь против шаманизма и кровавых жертвоприношений. Он считал, что все алтайцы должны перейти в «белую веру» и, оставив свои дела, молиться в ожидании пришествия Ойрот-Хана [2, с. 158-159]. Одновременно бурханизм как движение приобрел антирусскую и антиправославную направленность; в нем нашли свое выражение социально-экономические проблемы коренных жителей края, например, землеустройства. Прозелитическая деятельность сторонников новой веры выражалась главным образом в стремлении показать ее преимущества в сравнении с уже имевшими место религиозными верованиями на Алтае, что вело к их противопоставлению и противостоянию. Как свидетельствуют источники, «своим последователям Чет заповедал презирать и не иметь никакого общения» с теми, кто не исповедовал «белую веру» [3, л. 5-6]. Это, естественно, не могло не вызвать беспокойства властей, Алтайской миссии.

Далее приведен пересказ корреспонденции с судебного процесса над Ч. Челпановым и его сторонниками, обвиняемыми в нарушении общественного порядка. Так, в мае 1904 года среди калмыков разнеслась весть, что в местности под названием лог Теренг появился необыкновенный человек — Чет Челпанов, который общается с Богом и учит новой вере, предсказывает пришествие царя Ойрота, который восстановит на Алтае свое царство. Весть взволновала весь Алтай: калмыки побросали хозяйство, купали порошок, чай, материю желтого и синего цвета и стали собираться на массовые моления в долину Теренг, находившуюся в 20 верстах от Усть-Кана. В мае — июне 1904 года приверженцы «белой веры» особенно активизировались, их собралось уже около трех тысяч, что взволновало все

население края. Русских крестьян особенно тревожила скупка ими пороха. Прежде, чем решиться на какие-либо действия против сторонников новой веры, представители как светских властей, так и миссионеры делали попытки уговорить их разойтись. С этой целью в Усть-Кан прибыл глава миссии, епископ Бийский Макарий (Павлов). Когда уговоры не помогли, было решено разогнать собравшихся в долине, привлекая дополнительные силы из крестьян близлежащих деревень. Вечером 20 июня (то есть непосредственно перед разгоном бурханистов в долине Теренг) на площади перед церковью епископ Бийский служил молебен. Он обратился к собравшимся с речью: «Вы поедете... разгонять незаконно собравшихся калмыков, проповедующих лжеучение и не повинующихся властям. Не делайте глупостей». Полиция тоже разъясняла, чтобы не было лишней жестокости и самоуправства [4, с. 70-71]. Наставление епископа Макария о том, чтобы «не делали вреда при поимке виновников» волнений, находит неоднократное документальное подтверждение в разных источниках. 21 июня 1904 года произошло столкновение, в результате которого в суматохе погиб один человек и несколько были ранены. Были арестованы 30 человек, среди них Чет Челпанов и монгольский лама. В мае 1906 года состоялась выездная сессия Томского окружного суда в г. Бийске, к которому привлекались 6 человек (остальные арестованные были отпущены). С подсудимых обвинения были сняты [4, с. 63-70]. На суде у них были профессиональные защитники. Они нашли поддержку Г.Н. Потанина, Д.А. Клеменца и других представителей демократической и либеральной части общества.

Неприязнь приверженцев «белой веры» распространялась не только на православных, но в первую очередь на алтайцев-шаманистов. В материалах «проповеднической партии» Алтайской миссии за 1906 год описан эпизод общения с «калмыком-небурханистом», жившим «по старой вере». Он жаловался, что бурханисты его ненавидят; к крещеным же алтайцам они относятся лучше, объясняя это тем, что, хотя они «и не нашей веры, но поклоняются одному Богу, а бесов не чтут». По отношению к крещеным сородичам недоброжелательность чаще выражалась в насмешках и угрозах. Сторонники «белой веры» не хотели общаться с ними, а после посещения своей юрты крещеным они очищали ее, окуривая вереском [5, л. 3 об.]. Нетерпимое отношение к «небурханистам» объясняется тем, что, по убеждению носителей сторонников новой веры, Ойрот-хан придет тогда, когда все алтайцы поверят в его пришествие. В рапорте Бийского уездного исправника, составленного для Томско-

го губернатора, указывалось, что причиной успеха пропаганды бурханистской идеологии были «угрозы, истязания и обещания непросвещенным калмыкам» богатой и беспечной жизни «при новой вере» [6, с. 231-232]. На судебном процессе над Четом Челпановым и группой его сторонников им вменялось обвинение в насилии именно над соплеменниками. Однако такая враждебность бурханистов постепенно исчезала, и их отношение к приверженцам других религий и к русским уже к 1907 году стало более терпимым [7, с. 11-13].

Движение бурханизма носило массовый характер и внесло существенные изменения в деятельность Алтайской миссии. В официальных ежегодных отчетах миссии вплоть до 1917 года давалась информация о том, с какими проявлениями «белой веры» приходилось сталкиваться и каким образом оказывалось противодействие. Бурханизм, по мнению очевидцев, выступил «сильным борцом» против христианства. Он сохранялся в наличии ярлыкчей — проповедников учения — и в появлении новых учителей из Китая или Монголии. В жилищах присутствовали культовые предметы, соблюдались бытовые ритуалы. Миссионеров особенно настораживали случаи перехода новокрещеных алтайцев в новую веру, сокращение количества крещений [8, с. 66-68].

Чтобы разобраться в ситуации и принять меры противодействия, миссионеры постарались изучить новое учение, анализируя причины его успешности и критически относясь к собственным промахам. По их мнению, бурханизм — это, скорее, не религия, так как в ней практически отсутствуют нравственные правила и нет «принудительных требований, кроме ограниченного числа приемов внешнего культа». Последователи этого вероучения видели в «белой вере» прекрасную мечту, выраженную в сказаниях об Ойроте и Бурхане. Православие же обязывало верующего многому: регулярно посещать храм, соблюдать посты, исповедоваться и причащаться, ежедневно молиться, придерживаться нравственных устоев. Причины распространения бурханизма Алтайская Миссия также видела в естественной привязанности коренных жителей к родному краю и к собственным национальным обычаям на фоне неправильной политики, проводимой русской администрацией по отношению к алтайцам. Миссионеры считали, что часть русских, живущих в Горном Алтае, можно назвать только «пришельцами..., бесцеремонно хозяйничающими на Алтае, особенно из ретивых администраторов». Все это и вылилось в желание выгнать всех русских с Алтая и, приняв новую веру, ожидать пришествия Ойрот-Хана [9, с. 572-580]. Ученые признают, что Алтайская

миссия внесла определенный вклад в изучение бурханизма. Материалы, напечатанные в журналах «Томские епархиальные ведомости», «Православный благовестник» и других изданиях, являются полноценным историческим источником для исследователей.

В период активного распространения «белой веры» Алтайской миссии пришлось жить в «полном напряжении сил», корректировать формы работы, что обсуждалось на ежегодных съездах миссионеров. В экстренных случаях созывались и особые съезды. Непростое положение, сложившееся в Алтайской миссии в связи с «белой верой», было обсуждено на братском съезде миссионеров, прошедшем летом 1907 года. На нем признавалось, что Чет Челпанов произвел «в верованиях алтайцев коренной переворот», в силу которого «проповедь слова Божия в миссии оказалась далеко не в том положении, в каком она находилась в былые дни» [10, л. 338-338 об.]. Миссионеры видели задачу в том, чтобы «горячей проповеди ярлыкчей противопоставить таковых же проповедников христианства». С этой целью стали организовываться проповеднические партии (дружины), в которые входили миссионеры и учителя. Они объезжали районы распространения новой веры. Так, в августе 1906 года на миссионерском съезде в Онгудее были сформированы три проповеднические партии для работы в разных районах Горного Алтая. Записки дякона Урскульского отделения Иоанна Бобракова за 1906 год посвящены деятельности 2-й партии, возглавляемой миссионером Лукой Кумандиным. Она в соответствии с планом должна была объехать Усть-Канское и Урскульское отделения, то есть районы наиболее активного распространения новой веры. Начав свою работу 21 августа, проповедническая дружина вынужденно прекратила свою работу 30 августа из-за болезни Луки Кумандина, успев за это время объехать долины рек Кана, Ябогана, Азраткана, Шыберты и провести беседы с проживавшими там бурханистами и шаманистами [11, л. 1-4] (рис. 1). Практика таких проповеднических партий сохранялась вплоть до 1917 года.

Несмотря на недостаточность денежных средств, в 1907 году были учреждены должности двух катехизаторов — «борцов с бурханизмом». Понимая, что два человека проблемы не решат, на них возложили обязанность своевременно отслеживать возможные очаги распространения учения, действия ярлыкчей. Местами их проживания были определены приграничный Кош-Агач, через который проникали на Алтай ламы, и верховья р. Песчаной, располагавшейся близко к калмыцким стойбищам — очагам распространения «белой веры» [12, с. 10-14].

Одним из факторов, повлиявших на умонастроения алтайцев не в лучшую, с точки зрения миссии, сторону и затруднявшую ее деятельность, было принятие царского Указа о веротерпимости (апрель 1905 года) и царского Манифеста от 17 октября 1905 года. Миссионеры считали, что новые законы, которые «вскружили головы» алтайцам, оказались преждевременными. Ведь и ранее, подчеркивали они, существовавшее законодательство, хотя и провозглашавшее православие «первой и господствующей верой» в Российском государстве, предоставляло одновременно с этим возможность «евреям, магометанам и язычникам ... повсеместно отправлять свою веру и богослужения». Вызывают интерес рассуждения миссионера Усть-Канского отделения Луки Кумандина по поводу дарованной свободы совести как «незыблемой основы гражданской свободы». Цитата: «Что же получается с дарованием инородцам свободы вероисповедания? ... Сегодня инородец будет считаться православным, завтра — язычником, послезавтра — ламаитом и т.д. ... Зимой он будет ходить в церковь для того лишь, чтобы погреться — ведь в юрте холодно; летом же ... наслаждаться аракой и мясом в жертвоприношениях алтайцев. Кочующие с места на место, они будут кочевать и душой...» [3, л. 5 об]. В документах светского характера также затрагивался вопрос о влиянии царского Манифеста на духовное состояние алтайцев. В них отмечалось бытующее извращенное толкование Манифеста как едва ли не поощрявшего выход из православия.

Были в миссии и собственные внутренние проблемы, способствовавшие «неуспешности» деятельности по христианизации коренных жителей Алтая в этот период: большие территории ее отделений и нехватка миссионеров (в 1910 году произошла реорганизация структуры Алтайской миссии: территория ее действия была разделена на 3 благочиния, что существенно «приблизило» Церковь к ее подопечным — Н.Р.). При этом новокрещенные, еще недостаточно утвердившиеся в вере, нередко жили в стойбищах, вдали от миссионерских селений. Немаловажным негативным фактором для миссии являлось значительное сокращение ее финансирования вместе с началом русско-японской войны.

Район наибольшего распространения нового учения включал в первую очередь Усть-Канское отделение, также Кош-Агачское и Мыйунтинское. Сравнительный анализ ежегодных отчетов Алтайской духовной миссии, проведенный исследователем, показывает, что проникновение бурханизма отразилось на количестве крещений язычников миссии в целом. Так, если за 1901 год всего было крещено 187 человек, то в период ак-

тивизации «белой веры» их количество уменьшалось: в 1904 году — 121; в 1905 году — 134; в 1906 году — 110. Во втором десятилетии XX века число крестившихся стало постепенно увеличиваться: в 1912 году — 140 человек; в 1913 году — 157 человек [13, с. 197-198]. В Усть-Канском отделении за 1905 год был крещен 1 язычник, в 1906 году крещений не было.

Священниками-миссионерами в указанных отделениях в этот период были: в Усть-Канском — уже упомянутый Лука Кумандин, Мыйунтинском — Владимир Постников, Кош-Агачском (Чуйском) — Владимир Токпешев. Отец Лука Кумандин, сильно простудившись в проповеднической партии, 26 октября 1906 года умер в возрасте 29 лет, оставив жену и трех маленьких детей. Напряженность его работы в 1905-1906 годы, участие в проповеднических партиях повлекли усталость и ослабление организма, с которой он не смог справиться [14, с. 1-2]. 2). С 1907 года в Усть-Канском отделении назначили священником-миссионером Михаила Михайловича Абышкина «из инородцев». Его послужной список обычный для сотрудника миссии: окончив Бийское катехизаторское училище, сначала трудился учителем, принят в духовное звание, в 1905 году рукоположен в священника [15, л. 211 об. — 212].

Качество работы священника — миссионера определялась тем, как его прихожане исполняют необходимые обряды и культовые действия, главными из которых являлись исповедь и таинство Причастия. Приобщаться Святым Тайнам верующие должны были не реже одного раза в год. Клировые ведомости церковей Алтайской миссии позволяют увидеть, насколько строго крещеное население придерживалось канонической церковной жизни. Данные вновь подтверждают, что в Усть-Канском отделении сложилась неблагоприятная ситуация для православной миссии, поскольку большинство крещеных алтайцев не пожелали в 1906 году соблюдать церковные обряды, в частности, таинство Причастия (537 человек по сравнению с 229, «бывших у исповеди и Причастия») [15, л. 211 об. — 212]. Что же стоит за этими цифрами? С одной стороны, это «отпадение» части коренного населения от православия в связи с переходом в «белую веру», а с другой, — временное «нерадение» под влиянием внешних настроений и обстоятельств. В других отделениях Алтайской миссии обстановка не была настолько критической. Очевидно, что дарованная народу свобода вероисповеданий способствовала отказам иноверцев креститься, а крещеных — выполнять свои христианские обязанности.

Алтайцы-бурханисты после благоприятного исхода суда над Четом Челпановым попытались обосновать истинность своего вероучения и до-

биться от властей его официального признания. В мае 1907 года 512 приверженцев нового учения из 2-5 дючин обращались к приставу Бийского уезда с прошением о разрешении исповедовать новую веру. Также в их песнях стали более открыто звучать антирусские настроения, надежда на скорое пришествие Ойрот-Хана, освободителя и защитника алтайского народа [16, с. 56-57]. «Продвижения» данный документ не получил.

Постепенно обстановка в миссии стабилизировалась, и в «Записке за 1908 год» мыкутинский миссионер Владимир Постников отметил, что «отпадения из православия в бурханизм в отделении не замечено» [10, л. 350 — 351]. С 1909 года «белая вера» прежней активности не проявляла, но ее приверженцы остались. В отчете миссии за 1913 год епископ Бийский Иннокентий, анализируя обстановку в Усть-Канском отделении, отмечал, что положение бурханистов здесь все еще сохраняется довольно прочное и подтверждает слова цифровыми данными: из 2500 «душ язычников» примерно одна четверть «падает на долю бурханистов». Он отметил, что в такой ситуации миссионеру отделения приходится «тратить много энергии на объединение своей разношерстной паствы» [17, с. 72]. Но наметилась и позитивная тенденция «возвращения в лоно церкви» бывших приверженцев «белой веры». Так, в записке Шебалинского миссионера священника Иннокентия Чевалкова за 1917 год описывается случай крещения 20-летнего «калмыка-бурханиста» Тустуя [18, л. 3 — 3 об.]. Таким образом, бурханисты стали постоянным объектом миссионерской деятельности.

Нельзя не отметить то, что приверженцы «белой веры» не решались полностью отказаться от православия: они были вынуждены считаться с ним и признавать его. Это проявлялось в своеобразном синкретизме или, скорее, эклектичности, связанной с вопросами веры. Известный исследователь Алтая В.И. Верещагин, неоднократно посещавший Горный Алтай в начале XX века, наблюдал в юртах бурханистов находившиеся на положенном месте иконы. Об этом неоднократно упоминали и миссионеры.

Этнорелигиозное учение бурханизма с самого начала привлекло к себе внимание общественных деятелей, ученых и как отдельный объект изучения, и как один из аспектов истории края начала XX столетия. После распада СССР он вновь оказался в центре внимания этнографов, историков, философов, политиков. Особенно на-

блюдался всплеск интереса в связи со столетием начала этого движения. В июне 2004 года Институт алтаистики имени С.С. Суразакова провел представительную научную конференцию, посвященную историко-событийному освещению «белой веры», его этнорелигиозному и политическому компонентам. Выявилось, что содержание религиозной стороны бурханизма, его общественное звучание имеют разноречивые оценки. Подчеркивая религиозный синкретизм «белой веры», ученые в то же время расходятся во мнении относительно главной составляющей этого учения: буддизм это, шаманизм или феномен, который вообще не идентифицируется с какой-либо известной религиозной традицией. Так, ведущий специалист — историк Института алтаистики Н.В. Екеев (г. Горно-Алтайск) — считает, что наличие в вероучении буддийских персонажей и символики позволяет делать вывод о «первенстве» буддизма в этом учении [19, с. 72-74.] Однако, по мнению исследователя традиционной духовной культуры алтайцев В.А. Муйтуевой (г. Горно-Алтайск), основным источником возникновения бурханизма является алтайский шаманизм. При этом она обращает внимание, что «некоторое влияние на эту религию оказало православие» [20, с. 48, 60-61]. Иной точки зрения придерживается доктор исторических наук Л.И. Шерстова (г. Томск). Она обосновывает концепцию бурханизма как особую национальную религию и форму самовыражения нового этноса алтайцев (алтай-кижи) на заключительной стадии этнической консолидации [21, с. 37-38, 194-200]. С ней не согласна этнограф и историк Н.А. Тадина (г. Горно-Алтайск). Она убеждена, что бурханизм сложился на основе традиционного мировоззрения алтайцев и является «отреформированной» маркой шаманизма, а не «новой верой нового этноса алтай-кижи». Ученый обращает внимание на роль идей бурханизма и его актуальность в становлении морально-этических заповедей алтайцев, бытовых привычек [22, с. 128-129]. Таким образом, у исследователей нет единства мнений относительно вероучительных, мировоззренческих основ данного религиозного движения, которое оказало существенное влияние на деятельность православных миссионеров.

В современном религиозном пространстве Горного Алтая так называемая «белая вера» имеет некоторое распространение среди алтайцев, проявляясь через родовые обряды и обычаи, практикуется в быту.

Список литературы

1. Миссионерство на Алтае и в Киргизской степи в 1885 году // Томские епархиальные ведомости. 1886. № 6. Отд. неоф. С. 1-20.
2. Клеменц Д.А. Из впечатлений во время летней поездки в Алтай в 1904 году // Известия Императорского Русского Географического общества. СПб.: Тип. Стасюлевича. Т.XLI. Вып.1. 1905. С.155-159.
3. Записка миссионера Усть-Канского отделения Алтайской миссии за 1905 год. // Государственный архив Алтайского края (далее ГААК). Ф.164. Оп.1. Д.85.
4. Дело о кочевых калмыках Томской губернии. Корреспонденция о судебном процессе над Ч.Челпановым и другими, обвиняемыми по 13. I ч. 938 и 1542 ст. Уложения о наказаниях // Бурханизм — белая вера (АК жан): документы и материалы. (К 110-летию событий в долине Теренг). Горно-Алтайск: БНУ РА «НИИ алтаистики им. С. С. Суразакова». 2014. 243 с.
5. Записка миссионера Чемальского отделения за 1905 год. ГААК. Ф.164. Д.83.
6. Рапорт Бийского уездного исправника Томскому губернатору о религиозном движении на Алтае // Бурханизм. Документы и материалы. Ч.1. Горно-Алтайск: Горно-Алтайский гос. университет. 1994. 330 с.
7. Майдунова Н.А. Предисловие // Бурханизм. Документы и материалы. Ч.1. Горно-Алтайск: Горно-Алтайский гос. университет. 1994. С.1-17.
8. Майдунова Н.А. Материалы алтайской духовной миссии как источник по истории бурханизма // Гуляевские чтения: Материалы первой, второй и третьей историко-архивных конференций. Барнаул. 1998. 360 с.
9. Отчет об Алтайской Духовной Миссии за 1908 год // Томские епархиальные ведомости. 1909. № 14. Отд. неоф. с.572-580.
10. Архив Постниковых Василия Моисеевича и Владимира Васильевича // Архив Института алтаистики Республики Алтай им. С.С.Суразакова. Д. АМ 242.
11. Записки миссионера Урскульского отделения Алтайской духовной миссии Ивана Бобракова за 1906 год. ГААК. Ф.164. Оп.1. Д.101.
12. Отчет об Алтайской Духовной миссии за 1907 год // Томские епархиальные ведомости. 1908. Отд. неоф. № 10. с.11-14.
13. Расова Н.В. Православие и бурханизм: проблемы взаимоотношений и взаимовлияния // Движение АК ЖАНГ (Белая вера) — бурханизм на Алтае: взгляд через столетие: материалы научной конференции, посвященной 100-летию событий в долине Теренг / [редкол.: Екеев Н.В. и др.]. Горно-Алтайск 2004. с.194-200.
14. Отчет об Алтайской Духовной миссии за 1906 год // Томские епархиальные ведомости. 1907. №18. Отд. неоф. с.1-12.
15. Клировые ведомости церковей Алтайской духовной миссии за 1906 год // ГААК. Ф.164. Оп.2. Д.28.
16. Майдунова Н.А. Горный Алтай в конце XIX — начале XX века. Горно-Алтайск: Универ — Принт, 2000. 133 с.
17. Отчет Алтайской Духовной Миссии за 1913 год. Томск: Типография Дома Трудолюбия, 1914. 128 с.
18. Записка Шебалинского миссионера, священника Иннокентия Чевалкова // ГААК Ф.164. Оп.2. Д.115.
19. Екеев Н.В. О движении бурханитов на Алтае в 1904-1905 гг. // Движение АК ЖАНГ (Белая вера) — бурханизм на Алтае: взгляд через столетие : материалы научной конференции, посвященной 100-летию событий в долине Теренг / [редкол.: Екеев Н.В. и др.]. Горно-Алтайск, 2004. 282 с.
20. Муйтуева В.А. Традиционная религиозно-мифологическая картина мира алтайцев: монография. Горно-Алтайск, 2004. 166 с.
21. Шерстова Л.И. Бурханизм в Горном Алтае. // Движение АК ЖАНГ (Белая вера) — бурханизм на Алтае: взгляд через столетие: материалы научной конференции, посвященной 100-летию событий в долине Теренг / [редкол.: Екеев Н.В. и др.]. Горно-Алтайск. 2004. 282 с.
22. Тадина Н.А. Бурханизм и этикет у алтайцев // Этнографическое обозрение. 2011. №6. С.127-139.

References

1. Missionerstvo na Altae i v Kirgizskoj stepi v 1885 godu // Tomskie eparhial'nye vedomosti. 1886. № 6. Otd. neof. S. 1-20.
2. Klemenc D.A. Iz vpečatlenij vo vremâ letnej poezdki v Altaj v 1904 godu // Izvestiâ Imperatorskogo Russkogo Geografičeskogo obščestva. SPb.: Tip. Stasûleviča. T.XLI. Vyp.1. 1905. S.155-159.
3. Zapiska missionera Ust'-Kanskogo otdeleniâ Altajskoj missii za 1905 god. // Gosudarstvennyj arhiv Altajskogo kraâ (dalee GAAK). F.164. Op.1. D.85.
4. Delo o kočevyh kalmykah Tomskoj gubernii. Korrespondenciâ o sudebnom processe nad Č.Čelpanovym i drugimi, obvinâemymi po 13. I č. 938 i 1542 st. Uloženâ o nakazaniâh // Burhanizm — belâ vera (AK jan): dokumenty i materialy. (K 110-letiu sobytij v doline Tereng). Gorno-Altajsk: BNU RA «NII altaistiki im. S. S. Surazakova». 2014. 243 s.
5. Zapiska missionera Čemal'skogo otdeleniâ za 1905 god. GAAK. F.164. D.83.
6. Raport Bijskogo uездного ispravnika Tomskomu gubernatoru o religioznom dviženii na Altae // Burhanizm. Dokumenty i materialy. Č.1. Gorno-Altajsk: Gorno-Altajskij gos. universitet. 1994. 330 s.
7. Majdurova N.A. Predislovie // Burhanizm. Dokumenty i materialy. Č.1. Gorno-Altajsk: Gorno-Altajskij gos. universitet. 1994. S.1-17.
8. Majdurova N.A. Materialy altajskoj duhovnoj missii kak istočnik po istorii burhanizma // Gulâevskie čteniâ: Materialy pervoj, vtoroj i tret'ej istoriko-arhivnyh konferencij. Barnaul. 1998. 360 s.
9. Otčet ob Altajskoj Duhovnoj Missii za 1908 god // Tomskie eparhial'nye vedomosti. 1909. № 14. Otd. neof. s.572-580.

10. Arhiv Postnikovyh Vasiliâ Moiseeviĉa i Vladimira Vasil'eviĉa // Arhiv Instituta altaistiki Respubliki Altaj im. S.S.Surazakova. D. AM 242.
11. Zapiski missionera Ursul'skogo otdeleniâ Altajskoj duhovnoj missii Ivana Bobrakova za 1906 god. GAAK. F.164. Op.1. D.101.
12. Otĉet ob Altajskoj Duhovnoj missii za 1907 god // Tomskie eparhial'nye vedomosti. 1908. Otd. neof. № 10. s.11-14.
13. Rasova N.V. Pravoslavie i burhanizm: problemy vzaimootnošenij i vzaimovliâniâ // Dviženie AK JANG (Belaâ vera) — burhanizm na Altae: vzglâd ĉerez stoletie: materialy nauĉnoj konferencii, posvâšennoj 100-letii sobytij v doline Tereng / [redkol.: Ekeev N.V. i dr.]. Gorno-Altajsk 2004. s.194-200.
14. Otĉet ob Altajskoj Duhovnoj missii za 1906 god // Tomskie eparhial'nye vedomosti. 1907. №18. Otd. neof. s.1-12.
15. Klirovyje vedomosti cerkvej Altajskoj duhovnoj missii za 1906 god // GAAK. F.164. Op.2. D.28.
16. Majdurova N.A. Gornyj Altaj v konce XIX — naĉale XX veka. Gorno-Altajsk: Univer — Print, 2000. 133 s.
17. Otĉet Altajskoj Duhovnoj Missii za 1913 god. Tomsk: Tipografiâ Doma Trudolûbiâ, 1914. 128 s.
18. Zapiska Šebalinskogo missionera, svâšennika Innokentiâ Ĉevalkova // GAAK F.164. Op.2. D.115.
19. Ekeev N.V. O dviženii burhanistov na Altae v 1904-1905 gg. // Dviženie AK JANG (Belaâ vera) — burhanizm na Altae: vzglâd ĉerez stoletie : materialy nauĉnoj konferencii, posvâšennoj 100-letii sobytij v doline Tereng / [redkol.: Ekeev N.V. i dr.]. Gorno-Altajsk, 2004. 282 s.
20. Mujtueva V.A. Tradicionnaâ religiozno-mifologičeskaâ kartina mira altajcev: monografiâ. Gorno-Altajsk, 2004. 166 s.
21. Šerstova L.I. Burhanizm v Gornom Altae. // Dviženie AK JANG (Belaâ vera) — burhanizm na Altae: vzglâd ĉerez stoletie: materialy nauĉnoj konferencii, posvâšennoj 100-letii sobytij v doline Tereng / [redkol.: Ekeev N.V. i dr.]. Gorno-Altajsk. 2004. 282 s.
22. Tadina N.A. Burhanizm i ètiket u altajcev // Ètnografiĉeskoe obozrenie. 2011. №6. S.127-139.

ПРАКТИЧЕСКАЯ ТЕОЛОГИЯ

УДК 271.2-45:94(47)

Кизюн Павел Иванович, протоиерей
ректор Новосибирской православной духовной семинарии
npds@yandex.ru

ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫЕ ОСНОВЫ ЛИЧНОСТИ И ФЕНОМЕН СЕМЕЙНОЙ СВЯТОСТИ В ИСТОРИИ РОССИИ

Аннотация: В статье, подготовленной на основе доклада ректора Новосибирской православной духовной семинарии протоиерея Павла Кизюна, рассматривается проблема формирования духовно-нравственного стержня личности как основы исторического бытия. Автор обращается к житийным примерам святителя Алексия, преподобного Сергия Радонежского, благоверного князя Дмитрия Донского и его супруги Евфросинии (в иночестве), а также к образу преподобной Евфросинии Суздальской. В статье раскрывается понятие святости как цели христианского воспитания и подчеркивается роль наставника в передаче духовного опыта. Особое внимание уделяется феномену «семейной святости» как уникальной черте русской духовной традиции.

Ключевые слова: духовно-нравственные ценности, святость, семейная святость, агиология, педагогика, святитель Алексий, преподобный Сергий Радонежский, Дмитрий Донской, Евфросиния Московская.

Цитирование: Кизюн П.И., протоиерей. Духовно-нравственные основы личности и феномен семейной святости в истории России // Новосибирский временник. 2026. № 2. С. 23-25

Kizyun Pavel Ivanovich, archpriest
Rector of the Novosibirsk Orthodox Theological Seminary
npds@yandex.ru

SPIRITUAL AND MORAL FOUNDATIONS OF THE PERSONALITY AND THE PHENOMENON OF FAMILY HOLINESS IN RUSSIAN HISTORY

Abstract: This article, based on a report by Archpriest Pavel Kizyun, Rector of the Novosibirsk Orthodox Theological Seminary, examines the issue of forming a person's spiritual and moral core as the foundation of historical existence. The author refers to the hagiographies of Saint Alexis, Saint Sergius of Radonezh, the Blessed Prince Dmitry Donskoy and his wife Euphrosyne (in monasticism), as well as the image of Saint Euphrosyne of Suzdal. The article reveals the concept of holiness as the goal of Christian education and emphasizes the role of the mentor in transmitting spiritual experience. Particular attention is given to the phenomenon of «family holiness» as a unique feature of the Russian spiritual tradition.

Keywords: spiritual and moral values, holiness, family holiness, hagiology, pedagogy, Saint Alexis, Saint Sergius of Radonezh, Dmitry Donskoy, Euphrosyne of Moscow.

Citation: Kizyun, P.I., archpriest. «Spiritual and Moral Foundations of the Personality and the Phenomenon of Family Holiness in Russian History» // Novosibirsk Vremyanik. 2026. No. 2. Pp. 23-25.

Значение личности в историческом процессе неизменно высоко, однако подлинная значимость ее раскрывается лишь при наличии прочного духовно-нравственного основания. Внутреннее состояние человека, его ценностные ориентации выступают фундаментом, на котором создается будущее. Обращение к житиям русских святых, в частности, святителя Алексия, митрополита Киевского и всея Руси, и преподобного Сергия Радонежского [2] убедительно свидетельствует, что основой их служения являлось не упование на собственные силы, но следование воле Божией, выступающей абсолютным ориентиром человеческой жизни.

Духовно-нравственное состояние, достигаемое в результате такого следования, в христианской традиции определяется как святость. Осмысление этого понятия представляется особенно актуальным в современном образовательном контексте. Природа человека, хотя и, как указывается в святоотеческой письменности, повреждена грехом, но несет в себе неискоренимое стремление к горнему, к святости. Человек интуитивно сознает в себе присутствие этого «зерна» правды, что свидетельствует о врожденном нравственном законе. Понимание этой внутренней борьбы, которую апостол Павел описывает словами: «...Не то делаю, что хочу, а что ненавижу, то делаю» (Рим. 7,15), — является необходимым условием педагогической деятельности. Задача наставника — не только словесно наставлять (ибо «вера от слышания» (Рим. 10,17)), но и явить зримый образ воплощения ценностей в истории.

Русская история предоставляет множество таких образов. Жития святителя Алексия и преподобного Сергия являются не просто биографическими повествованиями, но действенными примерами, формирующими национальный идеал. В период непростых испытаний, подобных нынешним, общество вновь обращается к поиску идеалов и духовных ориентиров, что знаменует собой возвращение к аксиологии — учению о святых и святости.

Процесс воспитания святости включает как внутреннее самовоспитание через подражание образцу, так и внешнее воздействие наставника. Пример благоверного князя Дмитрия Донского, чьим воспитателем и духовным наставником был святитель Алексий, подчеркивает необходимость наличия внутреннего содержания («зерна святости») у самого педагога. Без этого личностного качества воспитательный процесс утрачивает свою сущностную основу.

Феномен святости, однако, не ограничивается рамками личного подвига. В русской истории мы наблюдаем удивительное явление, которое мож-

но определить как «семейная святость», когда духовное устройство личности формирует вокруг себя сообщество высоконравственных людей и даже целые святые роды.

Классическим примером этого является семья благоверного князя Дмитрия Донского, также прославленного в лике святых. Его супруга, великая княгиня Евдокия (в иночестве Евфросиния), явила собой образец христианского супружества и вдовства. Оставшись после кончины 40-летнего князя правительницей, она явила не только государственную мудрость, основав Вознесенский женский монастырь в Кремле, но и высокий личный аскетизм: носила вериги, скрывая свои подвиги под княжескими одеждами. Разрешение недоверия со стороны сыновей через явление этих вериг стало актом обнаружения сокровенной внутренней жизни, подтвердившим ее святость.

Еще одним ярким примером формирования «гнезда святости» является образ преподобной Евфросинии Суздальской (XIII век). Рожденная по молитвам в Киево-Печерском монастыре в семье святого мученика Михаила Черниговского, она была окружена святостью с детства. Получив блестящее образование, знавшая философию и языки, она после несостоявшегося брака (кончины жениха — благоверного князя Феодора Ярославича) избрала иноческий путь. Вокруг нее сложилась целая плеяда родственников, прославленных Церковью: она была старшая дочь черниговского князя Михаила Всеволодовича (святого мученика, убитого в Орде) и княгини Елены Ивановны (по другим данным — Марии, дочери Романа Галицкого). Она родилась в семье, славившейся благочестием и верою, что предопределило её монашеский путь. Это создает идею родовой, семейной святости как основы русской государственности.

Ту же традицию мы видим и в семье святителя Алексия. Его родные сестры, Иулия и Ульяна, по благословению брата основали первый в Москве женский монастырь (ныне Зачатьевский), приняв постриг с именами Иулиания и Евпраксия. Таким образом монастырь стал продолжением их семейного духовного делания.

Русская история изобилует подобными примерами [1]: от первых русских святых — страстотерпцев Бориса и Глеба, святого равноапостольного князя Владимира [4] — до множества менее известных, но не менее значимых подвижников, чьи мощи почивают в Софийском соборе Новгорода и в других храмах. Изучение этих примеров в их исторической конкретике позволяет преодолеть плоскостное восприятие эпох и обратить историю в действенный источник воспитания.

Прикоснуться к этому живому источнику можно не только через книжные тексты, но и через материальные памятники. В этом отношении уникальным собранием обладает библиотека Новосибирской православной духовной семинарии. Жемчужиной ее коллекции является экземпляр Псалтири с Часословом, изданный первопечатником Иваном Фёдоровым [3] в Заблудове в 1570 году. Это пятое датированное издание московского мастера, сохранившееся в считанных экземплярах. Наличие в книге купчих записей XVII–XVIII веков делает ее не только редким памятником книжного искусства, но и ценным историческим источником, свидетельствующим о бытовании книги в традиционной культуре. Данный артефакт является осязаемым звеном, соединяющим современного исследователя или учащегося с эпохой становления восточнославянского книгопечатания и духовного просвещения.

Подводя итог, следует отметить, что обращение к агиологическому наследию России позволяет выявить устойчивые закономерности формирования духовно-нравственной личности. Святость, понимаемая не как статическое состояние, но как движение по пути уподобления Богу, является целью и критерием христианской педагогики. Анализ житийного материала и исторических свидетельств показывает, что личный подвиг не выхватывает человека из истории, а, напротив, создает вокруг него поле притяжения, способствуя формированию семейных и общественных союзов, основанных на высоких нравственных идеалах. Феномен «семейной святости» является важной чертой русского православия, подчеркивающей ценность рода как малой Церкви. Сохранение и изучение материальных свидетельств этой традиции, таких как редкие книги кириллической печати, является насущной задачей духовного образования и культуры.

Список литературы

1. Жития русских святых : В 2 т. / [Коллектив авторов ; Ред. Н.В. Петрусенко]. М. : Сибирская благовонница, 2011. / Т. 1: Март-август. 2011. 1084 с. Т.2: Сентябрь-февраль. 2011. 1101 с.
2. Избранные труды / Б.М. Клосс. М. : Языки русской культуры, 1998-. / Т. 1: Житие Сергия Радонежского. 1998. 564 с.
3. Немировский Е. Л. Иван Федоров. Начало книгопечатания на Руси = Начало книгопечатания на Руси:

описание изданий и указатель литературы / Е. Л. Немировский ; Российская гос. б-ка, НИИ редких книг (Музей кн.). М. : Пашков дом, 2010. 341 с.

4. Прохоров, Г. М. «Некогда не народ, а ныне народ Божий...»: Древняя Русь как историко-культурный феномен : [монография] / Г. М. Прохоров. СПб : Издательство Олега Абышко, 2010. 320 с.

References

1. Žitiâ russkih svâtyh : V 2 t. / [Kollektiv avtorov ; Red. N.V. Petrusenko]. M. : Sibirskââ blagovonnica, 2011. / T. 1: Mart-avgust. 2011. 1084 s. T.2: Sentâbr'-fevral'. 2011. 1101 s.
2. Izbrannye trudy / B.M. Kloss. M. : Âzyki russkoj kul'tury, 1998-. / T. 1: Žitie Sergiâ Radonežskogo. 1998. 564 s.
3. Nemirovskij E. L. Ivan Fedorov. Načalo knigopečataniâ na Rusi = Načalo knigopečataniâ na Rusi: opisanie izdanij i

ukazatel' literatury / E. L. Nemirovskij ; Rossijskââ gos. b-ka, NII redkih knig (Muzej kn.). M. : Paškov dom, 2010. 341 s.

4. Prohorov, G. M. «Nekogda ne narod, a nyne narod Božij...»: Drevnââ Rus' kak istoriko-kul'turnyj fenomen : [monografiâ] / G. M. Prohorov. SPb : Izdatel'stvo Olega Abyško, 2010. 320 s.

ПРАКТИЧЕСКАЯ ТЕОЛОГИЯ

УДК 78

Головнева Нина Ивановна

кандидат искусствоведения, доцент, независимый исследователь

golovneva-35@mail.ru

РОЖДЕНИЕ МУЗЫКАЛЬНОЙ СТОЛИЦЫ СИБИРИ. НОВНИКОЛАЕВСК-НОВОСИБИРСК (1919-1930)

Аннотация: Статья посвящена вопросу формирования музыкальной культуры европейского типа в Новосибирске (начиная с того времени, когда он ещё назывался Новониколаевском) на стадии становления города как центра региона. Рядом с традиционными губернскими центрами Сибири, где уже были накоплены подобные ресурсы, новосибирским музыкантам приходилось решать весьма нетривиальные задачи. Большое внимание уделено роли Сибревкома в формировании государственной системы академической музыкальной культуры Новониколаевска. Охарактеризована музыкальная жизнь города, когда он был административным центром Сибирского края в 1930 года.

Ключевые слова: Музыкальная культура Сибири, Сибирский край, Сибревком, Сибгосопера, концертная жизнь.

Цитирование: Головнева Н.И. Рождение музыкальной столицы Сибири. Новониколаевск-Новосибирск (1919–1930) // Новосибирский временник. 2026. № 2. С. 26-34.

Golovneva Nina Ivanovna

RPhD in Art History, Associate Professor, Independent Researcher

golovneva-35@mail.ru

THE BIRTH OF THE MUSICAL CAPITAL OF SIBERIA. NOVONIKOLAEVSK-NOVOSIBIRSK (1919-1930)

Abstract: The article is devoted to the issue of the formation of a European-type musical culture in Novosibirsk (starting from the time when it was still called Novonikolaevsk) at the stage of the city's development as a regional center. In the vicinity of the traditional provincial centers of Siberia, where similar resources had already been accumulated, Novosibirsk musicians had to solve very non-trivial tasks. Much attention is paid to the role of the Siberian Revolutionary Committee (Sibrevkom) in the formation of the state system of academic musical culture in Novonikolaevsk. The musical life of the city, when it was the administrative center of the Siberian Territory in 1930, is characterized.

Keywords: Musical culture of Siberia, the Siberian Territory, the Siberian Revolutionary Committee (Sibrevkom), the Siberian State Opera, concert life.

Citation: Golovneva N.I. The Birth of the Musical Capital of Siberia. Novonikolaevsk-Novosibirsk (1919–1930) // Novosibirsk Vremyanik. 2026. No. 2. P. 26-34.

В настоящей статье освещается важная страница советской истории музыкальной культуры Сибири. Речь идет о взаимодействии социально-политического, административно-территориального и культурного процессов в их влиянии на формирование регионального центра государственной системы академической музыкальной культуры. Уникальным примером такого взаимодействия является Новосибирск. Он появился на карте России в 1893 г. под названием Новониколаевск как поселок строителей железнодорожного моста и через три десятилетия, в 1920-е гг., стал столицей огромной территории Зауральской России. Столичная функция Новониколаевска предполагала соответствующее качество музыкальной жизни. В результате практического решения возникающих в этой связи задач в городе, только-только вступившем в общероссийский музыкально-культурный процесс, одновременно проявились очертания основополагающих элементов академической музыкальной культуры: оперный театр, симфонический оркестр, камерные жанры, академический хор. Макрорегиональный центр Новониколаевск стал музыкальной столицей Сибири со своим флагом, гербом, гимном и даже валютой.

Это произошло в условиях, когда еще был далек от окончательного разрешения вопрос о субъектности Сибири, о ее положении в структуре Российского государства и о ее соотношении с европейской Россией. Идея автономизации Сибири активно обсуждалась так называемыми областниками в XIX в. Она активизировалась в 1917 — 1918 гг. Достаточно напомнить о Сибирском областном съезде в Томске в октябре 1917 г. и принятом на нем «Положении об областном устройстве Сибири», о лозунге «Сибирь для сибиряков», Декларации о государственной самостоятельности Сибири, принятой в Омске 4 июля 1918 г., о Сибирской республике в июле–ноябре 1918 г., предполагаемом крупнейшем государстве Европы со своим флагом, гербом, гимном и даже валютой, о Сибирской советской республике в феврале–августе 1918 г. [1, С. 126-136].

С охвата территории всей Сибири началось формирование советских органов государственного управления. Начало положила правительственная Комиссия по сибирским делам. На основе ее рекомендаций и постановления «Об организации гражданского управления в Сибири» от 27 августа 1919 г. образован Сибирский революционный комитет, высший орган советской власти в Сибири. Он наделен революционными полномочиями, в сферу его влияния вошли Западная и Центральная Сибирь, север Казахстана, ревкомы Иркутской, Алтайской, Енисейской,

Омской, Якутской, Томской, Семипалатинской, Челябинской, Тюменской губерний и Акмолинской области. Параллельно решался вопрос об административном центре подчиненной ему территории. Местоположение Сибревкома, «всеобъемлющего действия государственного аппарата управления» [2, С. 87–95] (В.И. Шишкин), менялось в зависимости от хода Гражданской войны. 18 сентября 1919 г. на два месяца он обосновался в Челябинске, с 23 ноября — в Омске, где его структура оформилась в достаточной степени. Однако Омск из претендентов на роль столицы был исключен. На протяжении двух лет он был столицей «белой» Сибири, здесь находилось Временное сибирское правительство, ставка Верховного правителя А.В. Колчака. Остатки колчаковского аппарата управления и контрреволюционные очаги сохранялись и после отступления Белой Армии. Тогда возникла «кандидатура» Новониколаевска. Идея «переместить центр из г. Омска в г. Новониколаевск по различным экономическим и социальным условиям, выразив, таким образом, решимость новой власти перестроить прежнюю административную систему в Сибири» [3, С. 14–21], впервые была озвучена 29 декабря 1919 г. на заседании Новониколаевского ревкома. Окончательное решение принято 14 января 1921 года. Молодой город не имел исторического прошлого, был «чистым листом», который можно заполнять в зависимости от геополитических задач новой исторической эпохи. А главное — несмотря на юный возраст, он стал активным, успешным и авторитетным участником жизни современной Сибири. Уже за первые два десятилетия существования поселок строителей с первоначальным числом жителей 764 человека превратился в город с почти стотысячным населением (89 319 человек в 1913 г.), стал мощным транспортным узлом, связывающим Европейскую Россию с Восточной Сибирью и Дальним Востоком, Западную Сибирь с Алтаем. С началом Первой мировой войны он стал крупнейшим за Уралом пунктом подготовки войск для фронта и главным пунктом распределения военнопленных. Большое военно-стратегическое значение Новониколаевск приобрел во время Гражданской войны. Он оказался в эпицентре событий, связанных с мятежом Чехословацкого корпуса, и две недели был столицей «белой» Сибири. Многие историки считают началом Гражданской войны именно мятеж белочехов в Новониколаевске в мае 1918 г. Темпы развития и достигнутый результат со всей очевидностью убеждали в огромном потенциале Новониколаевска как «большого города», обладающего неограниченными перспективами дальнейшего роста [4, С. 278]. «Превращение Но-

Новониколаевска в столицу Сибири после переезда в город Сибревкома и его отделов в 1921 г. кажется очевидным», — приходит к выводу В.Г. Кокоулин [5, С. 102–110]. И далее продолжает: «Изучив сопряженные с этим вопросом факторы, можно предположить, что Новониколаевск рассматривался руководителями Сибири как центр, в котором можно было строить «новую жизнь» без оглядки на старые порядки, которые, например, в Омске, с его чиновными традициями, социальным составом населения и т. п., могли существенно тормозить такое строительство. В Новониколаевске можно было начинать, как говорится, «с чистого листа» — старого чиновничества, буржуазных пережитков и казачества в городе просто не было» [5, С. 102–110].

Под управлением Сибирского революционного комитета крупнейший макрорегион находился с 27 августа 1919 г. до 1 декабря 1925 г. Сегодня он бытует под названием «Сибревкомовская Сибирь» с административным центром в Новониколаевске.

Роль Сибревкома в формировании государственной системы академической музыкальной культуры Новониколаевска

Сибревком выполнил возлагаемые на него задачи перехода Сибири на советские принципы государственного управления. Одновременно он заложил основы профессиональной академической музыкальной культуры столицы Сибири. Исторически значимую границу провел театрально-концертный сезон 1922/1923 гг. События музыкальной жизни дополнили перечень факторов, свидетельствующих о переходе Новониколаевска к столичному этапу своей истории. Главный показатель — стабильную работу начал первый в Сибири государственный оперный театр регионального значения. Причины создания такого театра в очень молодом Новониколаевске, еще не накопившим достаточный опыт развития профессионального музыкального искусства, должны были быть весьма весомыми. Они становятся понятными, если рассматривать их как часть масштабного замысла, обусловленного преобразованием Новониколаевска в столицу Сибири. Учитывая безмерность масштабов Сибири, так могла рождаться третья после Москвы и Санкт-Петербурга столица России, государства евроазиатского. Напрашивается естественный вывод: если бы не ставилась задача сделать Новониколаевск столицей Сибири, то не появился бы именно здесь и именно оперный театр. Общеизвестно, что в крупных культурных центрах России и Европы, тем более в столицах, наличие оперного театра было практически обязательным. Вершинная сфера музыкального искусства

подчеркивала уникальность и особый статус города, «Новониколаевск, как центр Сибири, в театрально-художественном отношении занял подбавляющее ему место» [6, С. 4].

Сибирский оперный театр состоялся исключительно благодаря позиции Сибревкома. Она явственно проявилась в момент создания театра, а далее обеспечивала успех чрезвычайно сложного процесса становления. Работа началась, когда Сибревком еще находился в Омске. Только город освобожден от войск А.В. Колчака, как 6 декабря 1919 г. местная пресса обратилась к жителям с просьбой «зарегистрироваться всех, кто имеет отношение к сценическому и музыкальному искусству: оркестровых музыкантов, актеров, певцов, музыкантов, <...> художников, скульпторов, живописцев, костюмеров, театральных парикмахеров, театральных кассиров, электромонтеров, билетеров, машинистов, бутафор-реквизиторов, рабочих сцены и вообще всех лиц, обслуживающих театральные предприятия» [7, С. 62]. В этом же месяце в распоряжение Сибревкома прибыл представитель центрального правительства страны В.Д. Вегман с поручением немедленно приступить к организации государственного театра и чрезвычайными широкими полномочиями.

Приоритет театра был естественным для Омска. Город располагал прекрасным театральным зданием, выстроенным в 1905 г., и накопил традиции профессионального театрального исполнительства. В ноябре 1920 г. открылся очередной театральный сезон. Однако открыла его не традиционно антрепризная труппа, а Сибирский советский театр оперы и драмы, имеющий стабильное штатное расписание. Ежедневно шли и оперный спектакль (в 17.30), и драматический (в 20.30). Первыми были: «Князь Игорь» А.П. Бородин 1 ноября, драма А.Н. Островского «Гроза» 16 ноября. Одновременно с оперной обозначилась концертная деятельность театра. 17 ноября в здании театра выступил симфонический оркестр, а затем начались частые симфонические и камерные концерты в городском коммерческом собрании, в летнем саду «Аквариум».

Новый сибирский театр успешно провел свой первый сезон 1920/21 г., но с наступлением нэпа оперная труппа оказалась под угрозой исчезновения. Она была сохранена волевым решением Сибревкома. 21 августа 1921 г. приказом № 68, «имея в виду высокую художественную ценность оперной труппы Сибгостеатра и считая недопустимым дробление собранных в означенной труппе Сибгостеатра по состоянию на 10 сего августа, включая оперный хор, балет, оркестр», оперная труппа была объявлена государственным учреждением. Выделены средства, чтобы

она могла «продержаться» до лета 1922 г., 30 августа переведена в Новониколаевск.

Важно обратить внимание на то, что Сибревком не ограничился восстановлением труппы, был создан полноценный оперный театр. В России появился еще один оперный город, а сам факт перевода оперы в Новониколаевск указывал на его особое положение.

Известие о переводе оперной труппы из Омска вызвало бурю возмущения городской общественности Новониколаевска. Критическое отношение к оперному театру проявилось еще в 1920 г., когда Музо и профсоюз Рабис открывали городской Показательный театр с драматической и оперной труппами. Противники оперы объясняли свою позицию прежде всего катастрофическим экономическим положением города, приводя весомые доказательства. Материально-экономические условия были, действительно, чрезвычайно сложными. В 1920-1921-1922 гг. Новониколаевск находился в ужасающем положении. Весной 1920 года администрация телеграфировала в Москву: «Город [в] ужасном санитарном состоянии: около двадцати тысяч тифозных трупов. Рытье братских могил заканчивается. Все трупы свезены [к] могилам. Перевозка тифозных больных и трупов возложена [на] особый добровольческий санитарный отряд» [3, 14-21]. Страшные картины рисовала пресса. Журналисты называли Новониколаевск «городом-трупом». Анализируя ситуацию начала 1920-х гг. в статье «Первенец революции», «Советская Сибирь» в ноябре 1925 года писала: «Городу нельзя было уже мечтать о какой-либо роскоши... Он был в тифу. 60 тыс. трупов было свезено в город с окрестных полей и полустанков. Они лежали штабелями, доверху наполняя вагоны, они были на улицах, в домах, всюду. Город умирал, гибли дома, гибло хозяйство» [8, С. 5]. С переводом из Омска 13 500 сотрудников Сибревкома в катастрофическом положении оказалась жилищная ситуация. Жильем становились амбары, бани, складские помещения, землянки. Постоянных жителей выселяли из своих квартир, а многих — вообще из города. В подобных условиях сама мысль об оперном театре была, казалась бы, безумной. Тем не менее, Сибревком настойчиво шел к цели. Он опирался на те жизненные силы города, которые называла цитируемая выше газета: «Новониколаевск оказался крепче других, в нем была здоровая кровь. Он выжил». Успешно проходил ремонт Рабочего дворца, где должен был обосноваться оперный театр, формировалась труппа солистов, хор, симфонический оркестр, нанимался технический персонал, организовывался бутафорный цех, строились декорации,

шилились костюмы. «С трудом, почти из ничего ее (оперную труппу) пришлось создавать — все, начиная от занавеса, бутафорий, костюмов и до сцены включительно, сделано в настоящее время. Много усилий и энергии ушло на это. Опера все же создана...» [9, С. 4]. 15 ноября 1922 г. состоялась первая премьера — «Русалка» А.С. Даргомыжского.

Изучение истории Сибгосоперы убеждает в том, что Сибревком, создавая театр, преследовал амбициозные цели: столица Сибири должна иметь оперный театр. Сибирский театр должен стоять в одном ряду со столичными театрами России. В качестве образца был избран санкт-петербургский Театр музыкальной драмы И.М. Лапицкого. В 1921 г. этот театр прекратил свое существование, а в следующем году в Новониколаевске появился Сибирский театр музыкальной драмы. И дело не в подражании, а в воссоздании столичного театра на сибирской почве. «Рассыпавшись в годы войны для столиц, <...> он самым серьезным образом воскресает в нашей сибирской столице, к гордости сибирских культурников», — писал первый директор Сибгосоперы Н.М. Милеант [10, С. 4]. Преемственность театров осуществили ученики и соратники И.М. Лапицкого: режиссеры Я.А. Гречнев и И.П. Варфоломеев, дирижер А.В. Павлов-Арбенин. Они знали художественную систему петербургского театра изнутри, их объединяла творческая личность и творческие принципы И.М. Лапицкого. С группой непосредственных преемников традиций петербургского театра работали прекрасные специалисты в области русской оперной культуры первой половины XX века: режиссер И.Н. Просторов, режиссер и дирижер А.А. Эйхенвальд, дирижеры Ю.М. Юровецкий, К.Ф. Брауэр, Б. Врана, М.Я. Крамер, Я.А. Позен. На сцене Сибгосоперы выступали оперные певцы общеевропейского масштаба: Л.Н. Балановская, И.И. Березняковский, Л.А. Андреева-Дельмас, А.И. Мозжухин, В.И. Касторский, П.И. Словцов, М.Н. Риоли-Словцова, Г.С. Пирогов. Л.Н. Яковлев и многие другие.

Благодаря оперному театру сразу же определилась академическая система музыкальной культуры Новониколаевска в целостном виде. Оперный театр стал организующим центром музыкальной жизни, а сезон 1922/23 г. одновременно положил начало реализации присущей оперному театру многофункциональности, способности составить основу развития концертных видов исполнительства. Первый оперный сезон стал одновременно первым концертным сезоном, а оперный зал Рабочего дворца — главным городским концертным залом. Концертная

практика вошла обязательной составной частью в деятельность всех творческих коллективов театра. Симфонический оркестр, хор, солисты оркестра, солисты оперы начали самостоятельную концертную деятельность. Это были уже городские коллективы, исполнители — не гастролеры, а «осевшие», постоянно живущие в городе музыканты. Учитывая также, что речь идет о музыкальной жизни очень молодого Новониколаевска, художественная культура которого переживала стадию начального становления, важно подчеркнуть, что базовые коллективные исполнители — симфонический оркестр и хор — имели стабильный состав и профессиональный уровень, необходимый для исполнения сложных симфонических и хоровых партитур.

В истории российской культурной революции советской эпохи 1920-е гг. характеризуются «стихийным переустройством концертной жизни» (Ю.В. Федотова) [11, С. 80-84]. Ленинградская филармония в 1921 г. и Московская в 1922 г. обозначили структуру, которая станет главным организатором концертной жизни в стране, но прежде, чем она получила официальный статус «единственной специальной государственной концертной организации», которая имеет право вести музыкально-концертную деятельность» (Приказ №134 Управления по делам искусств от 19 марта 1940 г.), концертную жизнь обеспечивали Музо, профсоюзы работников искусств (Рабис), учебные заведения, радиокомитеты, концертно-эстрадные бюро. Важнейшую роль выполняли музыкальные театры.

На этом фоне мы имеем интересный пример концертной деятельности филармонического типа, которую осуществлял творческий коллектив Сибирского оперного театра сразу же, уже в первой половине 1920-х гг. Начиная с первого сезона (1922/23 г.), она развивалась как часть формирующейся советской филармонической системы. Идеино-эстетическую направленность определила главенствующая функция советских филармоний — музыкальное просвещение; ведущими жанрами стали лекция-концерт, тематический концерт, тематический цикл. Показательна рецензия на первый симфонический концерт, состоявшийся 17 января 1923 г., два месяца спустя после оперной премьеры [12]. Концерт оценен в целом положительно: «С большим вниманием прослушали мы симфонический концерт, который дан был в среду 17 января, и ушли с чувством полного удовлетворения». В то же время вполне традиционно выстроенная программа из произведений Шуберта, Грига, Мусоргского, Бородина и Чайковского вызвала весьма острую критику. Автора не устроило отсутствия объединяющей просветительской идеи, в результате чего кон-

церт, с его точки зрения, превратился в «винегрет... из произведений Шуберта, Грига, Мусоргского, Бородина и Чайковского», в то время как симфонический концерт должен дать «настоящее эстетическое наслаждение, выполнить в то же время культурно-просветительную задачу». Автор критичен еще и потому, что программа, с его точки зрения, составлена без учета степени подготовленности слушателей. «Можно было бы обойтись без симфонии Шуберта h-moll, которая мало говорит уху не искушенного в музыкальных тонкостях русского слушателя, но зато следовало бы выполнить всю сюиту Грига, которая более популярна и легче воспринимается». Красноречив итог статьи: «В заключение заметим, что симфонические концерты надо культивировать. Публика во вкус войдет, приохотится, когда увидит, что объяснения лектора дают ей возможность понять и разобраться в музыке. Для Новониколаевска, который до сих пор прозябал в музыкальном отношении, симфонические концерты такого калибра новинка. Симфонический же оркестр, с которым мы познакомились на первом концерте, несомненно, крупное достижение Рабочего дворца».

Все концерты «Сибревкомовской Сибири» открывались вступительным словом. «Советская Сибирь» подчеркивала значимость данного фактора, предваряя первый же концертный сезон. «В течение зимнего сезона в Рабочем Дворце (на его сцене) состоится цикл специальных вечеров, посвященных пропаганде художественной песни и образцов музыкального искусства. Каждый такой концерт будет тесно связан с просветительной популярной лекцией, посвященной творчеству того или другого композитора. Все музыкальные исполнения (рояль, пение, инструменты) явятся, таким образом, иллюстрацией к читаемому реферату. Кроме того, предполагается ряд этнографических концертов, посвященных сибирской народной музыке» [13, С. 5].

Тематические концерты посвящались русской музыке. Первый такой концерт в честь 5-летия Октябрьской революции был составлен из революционных и народных песен. Большинство последующих имело монографический характер. Программа апреля 1924 г. посвящена творчеству Чайковского. В сезоне 1924/25 г. планировался тематический цикл из трех монографических концертов: Глинка, Мусоргский, Римский-Корсаков.

Музыкальная жизнь столицы Сибирского края. Новосибирск. 1925–1930

В середине 1920-х гг. административно-территориальная реформа Сибири вступила в но-

вую стадию. Постановлением президиума ВЦИК от 25 мая 1925 г. «Сибревкомовская Сибирь» преобразована в Сибирский край. Сибревком передал свои полномочия Сибирскому краевому исполнительному комитету (Сибкрайисполкому), губернское и уездное деление сменили округа и районы. Решением I Съезда Советов 9 декабря 1925 года Новониколаевск переименован в Новосибирск. 12 февраля 1926 г. новое имя утверждено Президиумом ЦИК СССР, и что особенно важно, четко сформулирован его статус и роль в регионе. Новосибирск назван столицей Сибирского края, он стал административным центром территории размером в 4 064,4 тыс. км² с населением 9 923,8 тыс. человек (в 1930 г.). Преодолен кризис начала 1920-х годов. Город получил самостоятельный бюджет, значительно выросла численность населения, развернулось строительство, менялось название улиц. У Новосибирска появился «административный ресурс» — мощный стимул для дальнейшего развития.

В то время как административная, территориальная и экономическая системы подверглись коренной перестройке, музыкальная культура Новониколаевска–Новосибирска продолжала развиваться как следующий этап той системы, которая сложилась в «Сибревкомовской Сибири». Четвертый сезон (1925/26) начала Сибгосопера, сохраняя художественные установки и высокий профессионализм. Продолжалась концертная деятельность творческих коллективов театра.

Сибкрайисполком сразу же предпринял меры для усиления творческого потенциала музыкальной культуры. Приглашена группа специалистов из Одессы. На должность директора, художественного руководителя и главного дирижера Сибгосоперы приглашен дирижер Одесского оперного театра М.Я. Крамер (1880–1957). Усилена балетная труппа. Должность балетмейстера-постановщика заняла прима-балерина и руководитель хореографической школы Одесского театра Е.А. Пушкина. Быстро сказались результаты. Театр продолжал осваивать классический репертуар, при этом одновременно реагировал на запросы времени. В числе первых российских театров в сезоне 1926/27 г. поставил новую оперу советского автора А.И. Юрасовского «Трильби», в сезоне 1927/28 г. — стремительно осваивавшую европейские сцены «Турандот» Д. Пуччини. Знаменательным достижением балетной труппы стали премьеры балетов — «Лебединого озера» в феврале 1927 г., первого классического многоактного балета в Новониколаевске–Новосибирске, и «Красного мака» Р. Глиэра в сезоне 1928/29 гг. В следующем сезоне (1930/31) поставлены сразу три оперы на геро-

ико-революционный сюжет — «Орлиный бунт» А.Ф. Пашенко, «Северный ветер» Л.К. Книппера, «Прорыв» С. И. Потоцкого. Пресса неизменно в положительных оценках деятельности театра. В журнале «Жизнь искусства» читаем: «Из всех сибирских театральных предприятий Сибгосопера — самое серьезное и ценное, наиболее свободное от халтуры». Особо важным достижением в этой же статье называется «крупная победа над косностью и консервативностью публики, которая вовлекается понемногу в орбиту подлинного искусства — в музыкальную стихию Римского-Корсакова, Мусоргского, Бородина» [14, С. 18].

Резко возросла активность концертной деятельности. Симфонические концерты, начиная с сезона 1926/27 г., шли почти каждый месяц. Пресса называла оркестр лучшим в регионе, подчеркивая, что это был уже не гастрوليрующий, а новосибирский симфонический оркестр: «Ценность нашего оркестра заключается в том, что он состоит из лиц, осевших в Сибири (приезжих только двое, арфа и один гобой). Еще одного так хорошо сыгравшегося оркестра в Сибири нет» [15]. Возросло количество сложных циклических симфонических жанров (Первая симфония В. Калинникова, Пятая симфония П. Чайковского, Пятая симфония и Скрипичный концерт Л. Бетховена). В 1927 г. симфонический оркестр принял участие в масштабном, общемировом событии — 100-летию со дня смерти Бетховена — с симфонической и камерной программами.

В то время как, в сибревкомовский период камерные ансамбли создавались в основном для исполнения какого-либо конкретного произведения в смешанной программе, начиная с сезона 1926/27 г. образовался самостоятельный, параллельный с симфоническим, пласт камерно-инструментальной музыки. Сложился постоянный струнный квартет в составе Ф. Таль (1-я скрипка), М. Мительман (2-я скрипка), В. Копгеккер (альт), Э. Хомицер (виолончель). Камерно-вокальные жанры располагали таким богатством в плане количества и разнообразия голосов, как мало какая филармония. Вокалисты присутствовали в большинстве смешанных программ, частыми были сольные бенефисные концерты. Камерное исполнительство приобрело свой концертный зал. Им стал только что (в 1926 г.) отстроенный Дворец труда — сейчас Академия водного транспорта. В дополнение к нему действовала целая сеть концертных площадок в рабочих клубах заводов «Труд», «Холодильник», мыловаренного завода, клубов имени Петухова, железнодорожников, Товарной биржи труда. В большинстве случаев залы были полными, а если на каком-то концерте не

было аншлага, пресса обвиняла в этом плохую рекламу.

На фоне отмеченных достижений особенно остро ощущается драматизм процессов, зарождавшихся в музыкальной жизни Новосибирска в конце 1920-х гг., приведших в конечном счете к ликвидации оперного театра. В 1928 – 1929 гг. началось целенаправленное вытеснение Сибгосоперы из художественной жизни города. В результате в 1934 г. успешно работающий театр, занявший достойное место в среде российских театров, находясь на стабильно высоком профессиональном уровне, прекратил существование. Мы писали о причинах: «Воедино сошлись причины идеологического, административного, финансового порядка» [12, С. 65]. Резко возросло влияние идеологии и практики пролеткульта. Созданный в Новосибирске в 1928 г. культурно-просветительный центр рабочего класса под названием «Настоящее» и литературно-художественный журнал с таким же названием развернули борьбу за пролетарский театр. Главным объектом критики избран «буржуазный» Сибирский государственный оперный театр. Обличительные статьи, рецензии наполнили пролеткультовский журнал и местную прессу, лозунги против буржуазной оперы за новый пролетарский театр раздавались на многочисленных собраниях трудовых коллективов, специально организуемых для этой цели. Об этом очень подробно написал К.А. Голодяев. «Сегодня нужен пролетарский театр <...> Рабочие Новосибирска увидят настоящий революционный пролетарский театр! Пусть, увидев его, они загорятся желанием построить в Новосибирске Дом Культуры и завести такой же постоянный театр» [16, С. 148-166].

Сибгосопера подвергалась безобразной, оголтелой, бездоказательной критике без малейших попыток грамотного объективного анализа ее деятельности. Приведем типичный пример статьи, где утверждения автора ложны, прямо противоположны сути того, о чем он ведет речь. «Мы не располагаем на территории Сибири таким постоянным профессиональным делом, которое имело бы свое художественное лицо и представляло собой более или менее значительную культурно-общественную величину. Единственной попыткой в этом направлении была Новосибирская опера, но и она, эта попытка, как известно, завершилась банкротством, бесславной кончиной оперы. И вряд ли кто добрым словом вспомнит “покойницу”: оперное дело не сумело снискать себе симпатий советской общественности, оно было глухо к зовам современности и, угождая самым консервативным вкусам обывательской публики, чуждалось обновления, свежего духа, художественных ре-

форм. На театральном участке культурного строительства в Сибири, — это надо откровенно признать, — достижений пока не имеется, мы здесь ничего не накопили, и похвастать нам нечем» [17, С. 3]. Раньше от нападков разного рода сибирская опера имела защитника в лице регионального правительства Сибревкома. Городская администрация Новосибирска, в подчинение которой перешел театр, защиту и поддержку не оказала, возможно, потому, что «полноценный исполнительский аппарат горсовета еще не сложился и еще не стал хозяином города, оставаясь лишь выразителем политической воли масс» [18, С. 107-162.]. Выход из положения в подобной атмосфере идеологического давления и финансовых затруднений театр искал в кооперации с сибирскими городами. Сезоны 1927/28 и 1928/29 гг. труппа делила с Томском, полтора года, с лета 1929 до января 1931 г., она гастролировала в приуральской Перми, половину сезона 1931/32 и сезон 1933/34 провела в Иркутске. Иркутский период свидетельствует об отчаянной попытке спасти Сибгосоперу. Борьбу возглавил П.Е. Карабинин, сначала директор Сибгосоперы, а затем управляющий Восточно-Сибирским краевым УЗП. Противостояли причины той же природы, что и в Новосибирске: социально-политические, идеологические, финансовые. Их очень подробно анализирует И. А. Колокольников [19, С. 70-85]. При этом он убедительно доказывает, и это особенно важно для исторической оценки Сибирского государственного оперного театра, что до последних дней существования он сохранял высокий уровень профессионализма, занимал достойное место в ряду оперных театров России, опирался на самые высокие образцы отечественной и зарубежной классики с широким охватом жанровых вариантов. Четко определив свое место в современной отечественной оперно-театральной культуре в сложных условиях реформы музыкального театра, развернувшейся в конце XIX и первой трети XX в., он сохранил жизненную достоверность всего происходящего на сцене [12, 22].

Новый центр организации музыкальной жизни Новосибирска, сменивший Сибгосоперу в 1930-е гг., начал формироваться летом 1926 г. 24 августа он заявил о себе «пробным» концертом только что установленной широко-вещательной радиостанции. О последовавших ежедневных радиоконцертах пресса писала: «Широковещательная передавала обширные и разнообразно составленные концерты при участии всех находившихся в Новосибирске артистов и музыкантов». В их числе был тогда еще только рождающийся, а сегодня широко известный в России и за ее пределами Госу-

дарственный академический оркестр русских народных инструментов Новосибирской филармонии. Музыкальным вещанием руководил директор и главный дирижер Сибгосоперы М.Я. Крамер.

Столицей Сибирского края Новосибирск оставался до 30 июля 1930 г. Сибирский край был разукрупнён на Западно-Сибирский с центром в Новосибирске и Восточно-Сибирский с центром в Иркутске. 28 сентября 1937 г. образована Новосибирская область. Новосибирск стал одним из областных городов России.

Заключение

Становление академической системы музыкальной культуры Новосибирска началось, как явствует из предыдущего текста, в 1920-е гг., в столичный период истории города. Последующие этапы определились в 1930-е гг.; в первую половину военных 1940-х лет; в послевоенное десятилетие 1945–1956 гг. К тому моменту, когда Сибгостеатр прекратил существование, функции организующего центра готов был принять на себя Западно-Сибирский краевой комитет по делам радиовещания. Вопросами музыкального вещания занялась музыкальная дирекция, ее творческая структура включила симфонический оркестр, академический хор, инструментальные ансамбли, оперный ансамбль. Музыканты «растворяющейся» Сибгосоперы пополнили симфонический оркестр, образовали несколько составов струнного квартета и фортепианного трио, вошли в состав духового оркестра, хора. Большая группа солистов (более 20 человек) объединилась в оперный ансамбль. В 1930-е гг. впервые в истории Новосибирска сложился собственный, полноценный академический музыкальный коллектив. Видами концертов, жанрами исполняемой музыки, именами композиторов и т.д. он

представил картину, типичную для современного крупного культурного центра России.

В первые же месяцы начавшейся в июне 1941 г. Великой Отечественной войны деятельность творческих коллективов радиокомитета была приостановлена. Их заменила эвакуированная в Новосибирск Ленинградская филармония. Она включила наш город в число крупных европейских центров академического исполнительства, концертная жизнь Новосибирска в период с сентября 1941 г. по август 1944 г. достигла столь высокого уровня, как никогда ранее.

Восстановление собственных творческих коллективов после отъезда ленинградцев началось с «вершины-источника», с кульминации. Через три дня после окончания Великой Отечественной войны, 12 мая 1945 г., впервые поднял занавес Новосибирский театр оперы и балета, состоялась первая премьера — «Иван Сусанин» М.И. Глинки. Будто на новом витке истории повторилась ситуация 1920-х гг. Открылся новый в Сибири и снова в Новосибирске оперный театр, он сосредоточил весь музыкально-творческий потенциал города, он обеспечил систематическую и оперно-театральную, и концертную жизнь города, он участвовал в восстановлении коллективов радиокомитета. Важная новая черта проявилась в том, что роль главного организатора концертной жизни, начиная с послевоенного десятилетия, перешла к Новосибирской филармонии.

Важной вехой, отграничившей этапы становления от последующего развития музыкальной культуры Новосибирска, стал 1956 г. 14 октября в концертном зале оперного театра состоялся первый концерт симфонического оркестра Новосибирской филармонии. 1 сентября первые студенты заполнили учебные аудитории Новосибирской консерватории.

Список литературы

1. Бакшеев А. И. Сибирское областничество: XIX-начало XX в. // Социально-экономический и гуманитарный журнал Красноярского ГАУ. 2019. №3 (13). С. 126-136.
2. Шишкин В. И. Сибирский революционный комитет в советской политической системе периода гражданской войны // Уральский исторический вестник. 2019. № 2(63). С. 87–95.
3. Папков С. А. Становление Новониколаевска/Новосибирска как столицы Сибири в начале 1920-х гг. // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2024. Т. 9, № 2. С. 14–21. DOI: 10.25206/2542-0488-2024-9-2-14-21.
4. Минина Н. А. Новый взгляд на историю Новониколаевска и его место в урбанизационном процессе в России // Бalandинские чтения. 2018. Т. XIII. С. 278
5. Кокоулин В. Г. Переезд Сибревкома в Новониколаевск (февраль – июнь 1921 г.) // Сибирь, Россия, мир в исследовательском и образовательном пространстве: материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием, посвящ. памяти проф. В. И. Соболева. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2019. Ч. 1. С. 102–110.
6. Хонская Л. Театр и музыка // Газета «Советская Сибирь». № 224. 5 октября 1922. С. 4.
7. Музыкальная культура Новосибирска. Новосибирск, 2005. С.62.
8. Первенец революции // Советская Сибирь. №254. 7 ноября 1925. С. 5.
9. Вегман В. Опера Рабочего Дворца // Советская Сибирь. № 280. 6 декабря 1922. С. 4.

10. В Сибгосопере (Из беседы с управляющим Сибгос-театром тов. Милеантом) // Газета «Советская Сибирь». № 227. 9 октября 1923. С. 4.

11. Федотова Ю. В. Становление профессиональной музыкально-концертной сферы деятельности на Южном Урале первой трети XX в. // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». 2010. Вып 14. № 8(184). С. 80-84.

12. Головнева Н. И. Сибирский государственный оперный театр (Сибгосопера) 1920–1934. Новосибирск: Новосиб. гос. консерватория им. М.И. Глинки, 2022. 156 с.

13. Новониколаевский рабочий дворец // Советская Сибирь, № 278. 8 декабря 1922. С. 5.

14. Виткин Г. Новониколаевск. Сибгосопера // Жизнь искусства. 1926. №7. С.18.

15. Вегман В. Бенефис симфонического оркестра // Советская Сибирь. № 65. 20 марта 1924. С.4.

16. Голодяев К. А. Взлет и падение Сибгосоперы: (о становлении акад. театр. искусства в Новониколаевске в 1920-е гг.) // Сибирские огни. 1922. № 10. С. 148-166.

17. Сибгостеатр на распутье // Газета «Советская Сибирь». № 102. 8 мая 1929. С. 3.

18. История города: Новониколаевск-Новосибирск (исторические очерки). Т. I. Новосибирск: Издательский дом «Историческое наследие Сибири», 2005. С. 107-162.

19. Колокольников И. А. Музыкальная жизнь Иркутска. 1930–1956. Иркутск. 2023. С. 70-85.

20. Головнева Н.И. Музыкальная культура Новосибирска первой половины XX в. (1893–1956) // Музыкальная культура Новосибирска. Новосибирск 2005. С. 9-209.

21. Головнева Н. И. Музыкальная жизнь Ново-Николаевска в фотографиях, материалах и документах 1893-1926. Новосибирск : Новосибирский Государственный Технический Университет, 2014. 348 с.

References

1. Bakšeev A. I. Sibirskoe oblastničestvo: XIX-načalo XX v. // Social'no-ekonomičeskij i gumanitarnyj žurnal Krasnoârskogo GAU. 2019. №3 (13). S. 126-136.

2. Šiškin V. I. Sibirskij revolúcionnyj komitet v sovetskoj političeskoj sisteme perioda graždanskoj vojny // Ural'skij istoričeskij vestnik. 2019. № 2(63). S. 87–95.

3. Papkov S. A. Stanovlenie Novonikolaevska/Novosibirska kak stolicy Sibiri v načale 1920-h gg. // Omskij naučnyj vestnik. Ser. Obšestvo. Istoriâ. Sovremennost'. 2024. T. 9, № 2. S. 14–21. DOI: 10.25206/2542-0488-2024-9-2-14-21.

4. Minina N. A. Novyj vzglâd na istoriû Novonikolaevska i ego mesto v urbanizacionnom processe v Rossii // Balandinskije čteniâ. 2018. T. XIII. S. 278

5. Kokoulin V. G. Pereezd Sibrevkoma v Novonikolaevsk (fevral' – iûn' 1921g.) // Sibir', Rossiâ, mir v issledovatel'skom i obrazovatel'nom prostranstve: materialy Vseros. nauč.-prakt. konf. s meždunar. učastiem, posvâš. pamâti prof. V. I. Soboleva. Novosibirsk: Izd-vo NGPU, 2019. Č. 1. S. 102–110.

6. Honskaâ L. Teatr i muzyka // Gazeta «Sovetskaâ Sibir'». № 224. 5 oktâbrâ 1922. S. 4.

7. Muzykal'naâ kul'tura Novosibirska. Novosibirsk, 2005. S.62.

8. Pervenec revolûcii // Sovetskaâ Sibir'. №254. 7 noâbrâ 1925. S. 5.

9. Vegman V. Opera Rabočego Dvorca // Sovetskaâ Sibir'. № 280. 6 dekabrà 1922. S. 4.

10. V Sibgosopere (Iz besedy s upravlâušim Sibgosteatrom tov. Mileantom) // Gazeta «Sovetskaâ Sibir'». № 227. 9 oktâbrâ 1923. S. 4.

11. Fedotova Ū. V. Stanovlenie professional'noj muzykal'no-koncertnoj sfery deâtel'nosti na Ūžnom Urale pervoj treti XX v. // Vestnik ŪUrGU. Seriâ «Social'no-gumanitarnye nauki». 2010. Vyp 14. № 8(184). S. 80-84.

12. Golovneva N. I. Sibirskij gosudarstvennyj opernyj teatr (Sibgosopera) 1920–1934. Novosibirsk: Novosib. gos. konservatoriâ im. M.I. Glinki, 2022. 156 s.

13. Novonikolaevskij rabočiĭ dvorec // Sovetskaâ Sibir', № 278. 8 dekabrà 1922. S. 5.

14. Vitkin G. Novonikolaevsk. Sibgosopera // Žizn' iskusstva. 1926. №7. S.18.

15. Vegman V. Benefis simfoničeskogo orkestra // Sovetskaâ Sibir'. № 65. 20 marta 1924. S.4.

16. Golodâev K. A. Vzlet i padenie Sibgosopery: (o stanovlenii akad. teatr. iskusstva v Novonikolaevske v 1920-e gg.) // Sibirskie ognĭ. 1922. № 10. S. 148-166.

17. Sibgosteatr na rasput'e // Gazeta «Sovetskaâ Sibir'». № 102. 8 maâ 1929. S. 3.

18. Istoriâ goroda: Novonikolaevsk-Novosibirsk (istoričeskie očerki). T. I. Novosibirsk : Izdatel'skij dom «Istoričeskoe nasledie Sibiri», 2005. S. 107-162.

19. Kolokol'nikov I. A. Muzykal'naâ žizn' Irkutska. 1930–1956. Irkutsk. 2023. S. 70-85.

20. Golovneva N.I. Muzykal'naâ kul'tura Novosibirska pervoj poloviny XX v. (1893–1956) // Muzykal'naâ kul'tura Novosibirska. Novosibirsk 2005. S. 9-209.

21. Golovneva N. I. Muzykal'naâ žizn' Novo-Nikolaevska v fotografiâh, materialah i dokumentah 1893-1926. Novosibirsk : Novosibirskij Gosudarstvennyj Tehničeskij Universitet, 2014. 348 s.

